

18+

ЧАРОВНИЦЫ КЛУБ

*Там,
где
лето*

Янтарь

ЧАРУЮЩИЕ ИСТОРИИ

Александра Семенова
Там, где лето. Янтарь

«Издательские решения»

Семенова А. Р.

Там, где лето. Янтарь / А. Р. Семенова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980328-3

В этом сборнике собраны истории, добрые, жизненные, о непростом выборе, о любви и о том, что каждый может осуществить свою мечту. Марафон в литературном клубе «Чаровницы слов» проходил осенью 2019 года в инстапространстве. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-980328-3

© Семенова А. Р.
© Издательские решения

Содержание

О ЛЕТЕ. ВСТУПЛЕНИЕ	6
БАРСИК-ДИВЕРСАНТ	7
Барсик	7
Время собирать камни	11
Диверсант	15
Куда ведут мечты	19
ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО	23
Ванечка	23
Всё будет хорошо	26
Баба Клава	28
Настя	30
I	30
II	30
III	31
ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ	33
Вишневое варенье	33
Высота	36
Город мечты	38
Брошенные	40
ДОВЕРЬСЯ МНЕ	43
Доверься мне	43
Когда рождается мечта	45
Моя идеальная семья	48
Ох, уж эта любовь!	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Там, где лето. Янтарь

Редактор Александра Семенова

Корректор Лиза Глум

Корректор Александра Семенова

Дизайнер обложки Александра Семенова

© Александра Семенова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-0328-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О ЛЕТЕ. ВСТУПЛЕНИЕ

*Угости меня летом —
Ароматом клубники,
Нежным шёпотом моря,
Разнотравьем полей.*

*Напои меня светом,
Вкусом ягоды дикой.
Нарисуй мне узоры
Звёздных южных ночей.*

*Уведи, на рассвете
Оставляя улики,
Слушать песни прибоя
И мечты кораблей.*

*Отведи меня в лето:
Время вечных каникул,
Время тёплых историй,
Где не надо взрослеть.*

Где всегда лето?

Правильно, в нашей памяти. Стоит лишь закрыть глаза, и как наяву – брызги солнца, ароматы трав, солёное на вкус море, ожидание приключений и счастливый смех друзей и родных.

Оно наполняет нас силой на весь год. Потому что лето – это маленькая жизнь.

В этом сборнике заупорены словно в баночку летние ароматы – солнечные, яркие, терпкие и светлые... и живые эмоции... и стоит лишь погрузиться в чтение и вновь перед глазами вспыхнет лето и согреет вас в долгие зимние вечера.

Оно сохранено в замечательных, душевных, жизненных, таких знакомых историях. Ярких, нежных, сочных и теплых. Пахнущих хвоей и морем, тропическими фруктами и ягодами с огорода. Они о простых человеческих истинах – все мы стремимся к любви и к гармонии. И хотим найти в привычных буднях ответы на вопросы и гармонию.

Мы, прекрасные чаровницы слова, – Яна, Лиза, Полина, Надя и Саша – приглашаем вас творить, создавать миры для новых героев. Наш литературный клуб Чаровницы слов открыт для каждого, кто пишет или хочет научиться писать.

Добро пожаловать к @charovnitsy

БАРСИК-ДИВЕРСАНТ

—
ВЛАДИМИР МОРОЗ

Барсик

– Ты что творишь, крыса тюнингованная? – кот злобно мяукнул, уставившись на непрощенного гостя, который не спеша подошел к миске с сухим кормом и долбанул по ней лапой, опрокинув содержимое на землю.

– Не твое дело, чучело мохнатое, – фыркнул ежик, – я отец-герой, мне можно!

Свернувшись клубком, он прокатился вокруг миски, насаживая на иголки хрустящие сухарики. Затем неспешно съел те, что остались на земле.

– Мне оставь! Мне! – жалобно заскулил кот, держась подальше от колючего соседа.

– Перебьешься, иди мышей лови, совсем обленился, – еж внимательно осмотрелся, не пропустил ли что-нибудь. Смачно плюнув в пустую миску, он развернулся и, переваливаясь с боку на бок, медленно побрел в сторону деревянной веранды.

– Чтоб ты подавился! – зашипел ему в спину кот. – Еще раз придешь, всех твоих детей съем.

– Только попробуй, – ежик на секунду остановился, – сито из тебя сделаю.

– Мое сожрал! – громко пожаловался котик обитателям двора. Затем в два прыжка перепрыгнул ступеньки и стал проситься в дом, жалобно мяукая.

– Барсик, недавно же поел, – дверь открылась, и невысокая миловидная девушка, наклонившись, взяла его на руки. – Ты как бездонная бочка. Пойдем, дам тебе молочка.

– И колбаску, – замурлыкал кот, уткнувшись носом в ее лицо.

– Фу, попрошайка, – ежик протиснулся в узкий лаз. – Знала бы Ольга, что этот меховой мешок полчаса назад себе вылизывал.

Накормив маленьких ежат, он улегся, тихонько пофыркивая. Пока дети ползали вокруг, еж предался воспоминаниям, даже не заметив, как небольшая прозрачная слезинка выкатилась из глаза.

Сюда он попал в конце весны, когда какой-то здоровяк вначале едва не сел на него, а потом зачем-то забрал с собой, посадив на ночь в большую железную коробку, из которой не было выхода. На следующий день ежа долго везли; вокруг было шумно, пахло неизвестной гадостью и приходилось сдерживаться, чтобы не вырвало. А когда самое страшное было позади, смешной человек всучил его девушке с протяжным, словно порыв ветра, именем Ольга.

Она и принесла уставшее измученное животное в этот дом, постелив какие-то тряпочки прямо под веранду. Оказавшись на свободе, ежик подумал было уйти ближайшей ночью, ведь там, далеко, молоденькая ежиха, так и не дождавшись кавалера, могла решить, что он струсил, и отдаться другому. Но миска со свежим молочком немного отодвинула планы. Впервые попробовав такой вкуснятины, еж решил немного задержаться.

– Свобода, конечно, штука хорошая, – подумал он, – но желудок ей не наполнишь.

Постепенно обустроил себе собственное гнездышко, вырыв небольшую норку, дно которой устелил принесенными лоскутками, листиками и травкой.

Ольга наливала молоко в миску каждый день, и мысль об уходе в лес улетучилась как-то сама собой. Днем ежик предпочитал отсиживаться под верандой, а ночью выходил для изуче-

ния окрестностей. Заодно старался полакомиться ягодами, насекомыми и кошачьим кормом, из-за чего сразу же обрел себе врага в виде черно-белого котяры, недовольного таким оборотом.

– Ты кто? – спросил тот, впервые увидев колючего незнакомца.

– Еж в пальто! А ты?

– Та же хрень, только не еж, – ответил котик, размышляя, вкусный этот чудак или нет?

В прямую драку кот давно не лез, наученный горьким опытом. Тогда он впервые решил прогнать наглеца, покусившегося на вкусняшку, и со всей силы долбанул того лапой, больно уколовшись торчащими иголками. После этого, прохрамав почти неделю, кот стал гадить врагу по мере возможности.

Летом, уйдя далеко от дома, ежик ощутил будоражащий запах самочки и недолго думая рванул на поиски. Так он познакомился с молодой ежихой, жившей неподалеку. Это была любовь с первого взгляда. Сильная, нежная, романтическая. «Фыр-фыр-фыр» и касание друг друга носиками – это был верх блаженства. Их глаза, словно яркие звездочки, сияли от счастья, когда они гуляли между грядок или собирали листики в саду, чтобы сделать свое гнездышко еще более уютным. А однажды случилось то, чего просила сама природа. Ежик улыбнулся, вспоминая, как раздвигая иголки, медленно подбирался к бархатистому тельцу ежихи, стараясь не уколоть себе пах. Потом было короткое мгновение непередаваемого блаженства и ласковое «фыр-фыр-фыр» от любимой прямо в ушко.

В самом конце августа они стали родителями шестерых крохотных кнопочек, требующих ежеминутного внимания. Забота о жене и детях стала для ежика приоритетом. Он совсем перестал обращать внимание на пакости кота, утонув в своей разросшейся семье.

Через полторы недели после родов уставшая от постоянных кормежек ежиха попросилась немного прогуляться, чтобы немного прийти в себя. Перебегая дорогу, она попала под колесо проезжающего грузовика, миг превратившись в окровавленную лепешку. Еж, ошарашенный смертью любимой, бросился было туда, но свет фар приближающейся машины остановил его. Под утро он все-таки пробрался к ежихе, постоял около трупа, поплакал и, совершенно подавленный ее нелепой смертью, вернулся обратно. Так он стал вдовцом.

Вытерев набежавшие слезы, ежик тяжело вздохнул, отгоняя воспоминания. Затем принялся стогнать детей в одну кучу, укладывая их на сон.

В это время обиженный кот, напившись молока, попросился на улицу, всем своим видом показывая желание нагадить хозяину в тапки. Оказавшись на дворе, он рванул к хозяйскому псу, сидящему на цепи возле конуры. Мысль о жестокой мести колючей крысе не давала покоя.

– Тузик, – остановившись в зоне недосягаемости, позвал он собаку, – куриную голову будешь?

– Давай! – выскочил тот из будки, натягивая цепь в готовности порвать старого врага.

– Только ее заработать надо, – выгнул спину кот.

– Давай! – согласно кивнул пес.

– Надо одну скотинку маленькую прессануть, совсем берега потеряла. Я бы сам, но ты больше страха вызовешь.

– Давай!

– Можешь ее сожрать, если хочешь. Соседский Вальс сказал, что очень вкусное мясо.

– Давай! Давай!

– Хватит давайкать! – злобно мяукнул кот. – Понаберут дебилов на службу! Одна извилина и то след от палки. Ты бы для начала хоть спросил, кого загнобить надо.

– Кого? Кого? – пес возбужденно запыгал.

– Под верандой живет. Зовут ежом. Понятно? Лапами разроешь землю и доберешься.

– Давай! Давай! – залаяла собака, пуская слюну.

– Значит так! Сожрешь ежа, получишь куриную голову. Она у меня уже неделю тухнет закопанная. Вкуснотища, язык проглотишь, – кот повернулся, чтобы уходить, но в последний момент вспомнил что-то важное. – Ах да, там еще маленькие пирожки бегают. Шесть штук. Их тоже нужно съесть.

Повернувшись и хитро улыбнувшись, котейка двинулся в сторону сеновала, чтобы вздремнуть на мягком, вкусно пахнущем ворохе. Он хорошо знал, что пару раз в неделю хозяин выпускал собачку, чтобы та побегала, размяла ноги. Завтра как раз будет такой день.

– Оля, лови письмо, – ежик проснулся от шума на веранде, услышав голос почтальона.

– Спасибо, тетя Катя, – девушка схватила протянутый конверт и пошлепала в дом.

– Постой, козочка, – почтальон рассмеялась, – о чем можно писать так часто? Почти каждый день Витек тебе что-то шлет.

Ольга остановилась, прижала конверт:

– Да все о службе. Из учебки недавно перевели. Сплошные караулы. А ваш Мишка-то как?

– Писал, что от Вити недавно ежиную иголку получил в подарок. Это, получается, от того самого ежика?

– Ага. От Диверсанта, – рассмеялась девушка. – Самый заветный талисман Витьки. Интересно, как это он решился с ним расстаться?

– Не знаю. Мишка написал, что их куда-то отправляют, долго писем не будет. Я вначале разволновалась, потом телевизор посмотрела и успокоилась. Вроде везде спокойно, войны нет.

– Все будет хорошо, тетя Катя, – Ольга попрощалась и поспешила в дом. Страстно хотелось прочитать письмо от любимого человека.

– Тьфу ты, спать не дают, – фыркнул ежик, потягиваясь.

Поздно вечером он по знакомому маршруту направился в сторону кошачьей миски, но был остановлен невесть откуда появившимся псом, который не придумал ничего умнее, как разинуть пасть и попытаться проглотить ежа. Получив свой заряд иголок собака, взбешенная от боли и неудачи, принялась катать свернувшегося ежика, словно мячик, выбросив в итоге за забор, где его подобрала прогуливающаяся мимо парочка.

– Ой, милый, давай возьмем себе! Детям покажем, – захлопала в ладоши молодая мамашка. Ежика завернули в куртку и унесли на другой конец улицы.

Увидев, что враг бесследно исчез, кот отнес обещанное угощение псу, а сам нырнул под веранду, разыскивая ежиную нору. Пора было закончить задуманное.

Только на вторую ночь ежу удалось сбежать, вскарабкавшись на подоконник и перевалившись через открытое окно на улицу. Ударившись о землю, он немного поохал, грязно выругался и поспешил искать свой дом, ориентируясь больше на запах, чем на зрение.

Рано утром, разыскав знакомую веранду, уставший ежик влетел под нее и замер, увидев лежащего возле норки облизывающегося кота.

– Убью, – распушая иголки, бросился он на врага, но тут же остановился, заметив одного из маленьких сыновей, вылезавшего из-под мягкого кошачьего хвоста.

– И где тебя носит, кобель игольчатый? – кот презрительно хмыкнул, осматривая ежа. – Совсем от блуда голову потерял, папашка? Дети некормленные, непоенные, а он шляется незнамо где!

– Уф, – ежик выдохнул, сбрасывая с плеч тяжелый камень тревоги. Все шестеро ежат целехонькие и невредимые, укрытые мягкими кошачьими лапками выбрались наружу и поспешили к отцу.

– Забирай своих отпрысков, батяня, – кот встал, потягиваясь, – а мне пора, хозяйка соскучилась, ищет.

– Спасибо тебе, ежик кот, – улыбнулся ежик, удивившись переменам, произошедшим с котейкой.

– Ничего страшного, зови, если что. У тебя милые дети. Вначале со злости думал, что как мышей сожру. А когда поближе увидел, растекся, словно сметанка по столу. Пойду, наверное, к соседской Пышке зайду на часок, может и мне кого родит.

Уходя, кот остановился, немного подумал и сказал:

– А можно я буду иногда твоих крошек навещать?

– Можно, – ежик улыбнулся и кивнул головой, – приходи, когда хочешь.

Когда кот ушел, он обнюхал своих детей и довольный уснул, слишком тяжелые сутки вышли. Нужно набраться сил, чтобы снова взяться за воспитание колючих озорников.

Время собирать камни

– Неправильно судить о человеке только по перегару, – Витька заметил легкое презрение на лице юной продавщицы. – У нас, между прочим, хорошее мероприятие, годовщина свадьбы.

– Извините, – покраснела та, опустив глаза, – но уже поздно, спиртное не продается, даже пиво.

– Надо же, какая жалость, – молодой человек хмыкнул. – Тогда дайте, пожалуйста, самую большую шоколадку.

Выйдя на улицу, он сунул покупку жене:

– Эх, надо было самогончик батин брать, в этом городе комендантский час на алкоголь, не отпускают. Вот что мы сейчас принесем в твоё общежитие?

– Ну и ладно, – Ольга взяла его под руку, – давай просто прогуляемся. А потом тортик девочкам купим. Они сладенькое любят.

Почти три года назад Витька, вернувшись с военной службы, сделал ей предложение, о чем ближайшим вечером поведал родителям.

– Жалко, что Мишка не дожил, – вздохнул он, – обязательно бы свидетелем стал. Теперь даже не знаю, кого приглашать, хоть ежика бери.

– Не рано ли, сынок, жениться собрался? – не обращая внимания на счастливые слезы матери, отец взял Витьку под локоть и отвел в другую комнату. – Молодой же еще. Вот набегашься, набалуешься, а как остепениться захочется, тогда и поженитесь. Не совершай моей ошибки, я также сразу после армии кольцо обручальное нацепил. Знаешь, как потом погулять захотелось.

– Знаю, – Виктор улыбнулся, – видел, как мамка за тобой с дрыном по огороду бегала.

– Да уж, – вздохнул отец, – расслабился, потерял бдительность, вот и прокололся разок. А потом еще парочку, – хмыкнул он. – Повезло, что не развелись.

Затем он подошел к окну, посмотрел на соседский дом, где жила Ольга:

– Смотри, Анька скоро вернется на каникулы, может, и помиришься с ней. Была ж у вас любовь до армии. Ольга твоя тоже сейчас в институте учится. Как жить будете? Ты здесь, она в городе. Что за семья?

– Батя, – Витька качнул головой, – мы с Олей каждый день друг другу письма писали. Сердцем чувствую, моя она. Никакая Аня не разлучит. А учеба – это хорошо. Сам чуть позже буду поступать в сельхозакадемию.

– Ну как знаешь, – отец хлопнул его по плечу, – лишь бы не жалел потом.

Вскоре сыграли размашистую свадьбу. Веселье текло рекой, гостей было столько, что танцы устраивали прямо на улице, перекрыв движение редких машин. Молодожены, словно яркие звездочки, светились от счастья, держа друг друга за руки.

– Вот так и ходите по жизни, – желали им односельчане.

Родители Ольги после свадьбы переехали в старый бабкин дом, освободив жилище для молодых, где те начали устраивать свое семейное гнездышко.

Ольга, студентка второго курса педагогического института, старалась каждые выходные приезжать к мужу, который устроился работать в лесничество.

Эти короткие выходные пролетали всегда очень быстро, утопая в любви, чувствах, нежности.

– Хватит стонать, – ежик недовольно посмотрел на окно спальни, – я хоть и животное, но тоже завистью переполнен. Вот заведу себе ежиху, тогда покажу вам, двуногим, что такое страсть.

– Геморрой ты себе скорее заведешь, чем супружницу, – мяукнул внезапно появившийся кот Барсик. – Что сидишь во дворе бобылем? Дети вон разбежались по округе, а ты дальше сада никуда не выходишь.

– Не твое кошачье дело, – ежик повернулся и засеменил в сторону норки.

– Чего это не мое? – прыгнул к нему Барсик. – Мне, может, понравилось ежиным котом быть, да и моим детям будет с кем играть.

– Опять Пышка на сносях?

– У нас любовь, – кот сел и принялся вылизываться, – а где она, там и дети. Ты бы сбегал вечером за три дома отсюда, там давеча Пышечка молоденькую ежиху встретила.

– Хорошо, – буркнул еж и направился дальше.

– Так! – командирским голосом мяукнул Барсик и одним прыжком перекрыл ему дорогу вперед, – хватит сопли по иголкам размазывать! Ну-ка быстро взял себя в лапы и вперед, на молодецкий подвиг! Иначе ты мне не друг!

– Да чтоб тебя крыса сожрала, – ежик постоял, подумал, махнул лапкой. – Ладно, схожу, прогуляюсь. Все равно теперь не уснуть из-за тебя, мохнатик.

Он повернулся и недовольно пошел в сторону забора. Пес, увидев приближающийся колючий клубок, взвизгнул, вспоминая болезненные уколы, и спрятался в конуру.

– Я из тебя собаку Павлова сделаю, – фыркнул еж, – под себя гадить будешь от одного моего вида.

Через два дня вечером Витька, стоя на крыльце, наблюдал, как по траве, переваливаясь с боку на бок, медленно шла парочка ежиков.

– Оленька, посмотри, кажется, Диверсант себе новую пассию нашел, – он довольно захотал.

– На себя посмотри, жопошник штопаный, – еж фыркнул и, подойдя к лазу под верандой, вежливо кивнул головой, приглашая самочку пройти:

– Мадам, только после вас! Мое скромное жилище очень нуждается в хозяйке, – зафырчал он, протискиваясь следом.

– Мур, – соседская Пышка, сидевшая на заборе, прильнула к Барсику, – какой же ты у меня хороший.

– Витюха, – раздался хриловатый голос с улицы. Это Мишка, старый Витькин друг, снова пришел просить денег на водку.

– Да я обязательно отдам, – стучал он себя в грудь, но уже на второй день совершенно забывал обещание, выпрашивая мелочь для опохмела.

– Господи, как же ему помочь? – вздыхала Ольга, лежа вечером на плече мужа, – ведь сопьется же. Такой парень хороший.

– Как получу зарплату, повезу его подшивать, – вздохнул Витька, – а то совсем пропадет, сломался он. Надо втягивать в нормальную жизнь. Сам уже не хочет возвращаться, придется заставлять.

Почти четыре года назад родители Мишки получили извещение, что их сын, проходящий службу в армии, погиб в авиакатастрофе. Мать, будучи не в силах выдержать это известие, угаšla очень быстро, так и не сняв траур по единственному ребенку, а отец пережил ее всего на полгода, зачехнув от полученного инсульта в районной больнице. Мишкина девушка Ленка, обещавшая ждать его со службы, погоревала, уехала из деревни и вскоре вышла замуж за городского мальчика.

Когда же Мишка внезапно появился, для деревни это было грандиозное событие.

– Такой молодой, а уже весь седой, – шептались за спиной бабки.

Пережив тяжелейшие известия о смерти родителей, пройдя бюрократический ад и допросы в прокуратуре, на которых Мишке вменяли дезертирство, он совсем расклеился, стал выпивать, все больше и больше находя покой в хмельном состоянии. Витька как мог под-

держивал друга, но тот постепенно опускался все глубже и глубже на дно, часто рыдая от собственного бессилия в опустевшем холодном родительском доме.

В тот вечер, отметив годовщину свадьбы в небольшом ресторане, Ольга с Витькой долго гуляли по городу, держась за руки.

– Эх, – сокрушался молодой супруг, – совсем беда с Мишкой. Опять развязал. Ему бы жениться, глядишь, опять за ум возьмется. Да где ж ее найти-то, суженую? Все деревенские девчонки от него нос воротят. Правильно, кому алкаш в доме нужен?

– Милый, давай попробуем его на лечение в город устроить? – Ольга вздохнула. – Говорят, что есть больницы, где вылечивают от такой напасти.

Рано утром собрав вещи, супруги приехали на вокзал, чтобы на электричке вернуться в родную деревню. У Ольги начинались каникулы, а это означало, что молодые люди смогут целый месяц быть рядом друг с другом.

На скамейке перрона сидела темноволосая молодая девушка. Она грустно смотрела по сторонам, теребя в руках какую-то тонкую вещицу. В больших темно-карих глазах блестели слезы.

– Ой, видно случилось что-то, – Ольга вздохнула, дернула остановившегося мужа за рукав, – пошли, опоздаем.

Но тот продолжал стоять, с удивлением рассматривая то, что держала незнакомка. Затем подошел к ней, потянув следом супругу.

– Откуда это у тебя? – он кивнул на серую ежовую иголку, которую держала девушка.

Та испуганно взглянула на Виктора, обернулась вокруг и, не увидев ничего подозрительного, вытерла слезы:

– Один хороший человек дал. Сказал, что это талисман от какого-то Диверсанта.

– Ух ты, ежкин Барсик, – Витька почесал затылок, – а человека случайно не Миша зовут?

– Да, именно так, – грустно улыбнулась незнакомка, в глазах блеснула искорка надежды, – а вы его знаете?

– Не то слово, – усмехнулся Виктор. – Если эта иголка у тебя, значит, ты что-то огромное значишь в Мишкиной жизни. Рассказывай, что произошло, а мы будем думать, как тебе помочь.

Оказалось, что девушку зовут Зухра. Три года назад отец выдал ее замуж второй женой за нелюбимого взрослого человека. Это была часть уговора, чтобы один хороший человек получил свободу. А месяц назад мужа нашли с перерезанным горлом у одной из многочисленных любовниц. Первая супруга недолго думая объявила себя наследницей и выгнала молодую на улицу. Вернуться в родной дом тоже не получилось. Раздосадованный отец вместе с братьями, сославшись на свалившийся на их голову позор, тоже указали на дверь. Пришлось уехать, чтобы в одиночестве и вдали от родных мест пытаться строить новую жизнь. Вчера вечером она выскочила из поезда за пирожком, уж очень хотелось есть, и пока стояла в очереди, не заметила, что состав тронулся. Так она осталась без денег и документов. Теперь не знает, что делать дальше.

– Бедняжка, – покачала Ольга головой, затем посмотрела на мужа. – Надо помочь.

– Я знаю, – Витька взял девушку за руку, – с нами поедешь. С таким талисманом не пропадешь, – он улыбнулся и кивнул на иголку.

– Вот тебе и сел на ежа, – рассмеялась Ольга, – надо же, какой клубок заплел Диверсантик.

Через полгода в самом конце августа, завершив уборочные работы, в деревне гуляли свадьбу. Мишка, ошарашенный появлением Зухры, взял себя в руки и совершенно бросил пить, влюбившись в эту прекрасную девушку.

– Горько! – без конца орали гости в соседнем доме, попивая крепкую самогонку.

– Жрать давай! Кость давай! Мясо давай! – прыгал пес, натягивая цепь.

– Да когда ж они угомонятся? – недовольно буркнул ежик молодой самочке.

– Фыр-фыр-фыр, – нежно дышала та ему в ушко, – милый, какой же ты у меня ворчун.

На следующий день на стене небольшого деревенского дома висела небольшая рамка, за стеклом которой прямо посередине красовалась серая ежовая иголка.

– Ну, теперь все у нас с тобой будет отлично! – Мишка поцеловал молодую супругу. – С таким-то талисманом никакие беды не страшны. А завтра поедем покупать тебе телескоп. Я помню, как ты мечтала изучать звезды.

Диверсант

– Рассказать кому-нибудь – точно не поверят! – закончив смеяться, Мишка вытер набежавшие слезы.

– Хватит ржать, – постанывая от боли, буркнул Витька, невысокий худощавый брюнет, лежавший на животе. – Лучше бинт поищи. И йод! – крикнул он вслед уходящему в сторону лагеря другу. – Может эта скотина заразная была.

– Это ж надо, голой задницей прямо на ежа, – всхлипнул тот, обернувшись, – прямо анекдот какой-то! Потерпи немного, скоро вернусь.

Как только Мишка скрылся за деревьями, Витек сжал кулаки и заскрипел зубами. Не столько от боли, сколько от обиды, перемешанной со стыдом.

Три дня назад он получил повестку из военкомата с требованием явиться в понедельник для отправки в армию. Под тяжелый вздох отца и слезы матери Витька почесал голову и расписался в получении. Детство закончилось, Родина настырно требовала вернуть ей какой-то мифический долг. Чтобы как-то отметить это событие, в субботу Витек вместе с компанией друзей, выпросив у отца старенькие «Жигули» и набившись туда, словно бычки в банку с томатным соусом, отправился на лесное озеро. Апофеозом действия должны были стать три бутылки водки, купленные другом через каких-то взрослых знакомых.

– Гулять так гулять, братишка, – загадочно шепнул Мишка и легонько звякнул рюкзаком, загружая его в багажник. Отец Витьки, услышав знакомый звук, лишь хмыкнул, не сказав ни слова.

Пока ставили палатки, разжигали костер, мариновали мясо, начало темнеть. Солнце, огромным оранжевым диском прячась за деревьями, медленно уходило за горизонт.

В этот самый момент у Витьки прихватило живот. То ли перенервничал из-за последних событий, то ли сказался невымытый помидор, который он съел, пока общими усилиями ребята накрывали стол, но скрутило безбожно. Недолго думая парень схватил лежавшую рядом газету и рванул в заросший овраг. Притоптав траву, быстро стащил штаны и, развернувшись, убедился, что из лагеря его не видно. После этого резко сел и тут же ощутил добрую сотню впившихся в зад иголок.

– Ни хрена себе, нашел короткую дорожку, – выругался спешивший по своим делам ежик, который едва успел свернуться в клубок, заметив нечто большое и белое, опускающееся прямо на него.

От дикой боли Витька закричал так, что волк, догрызавший в чаще пойманного накануне зайца, едва не подавился костью, а молодые лисята, резвящиеся на пригорке, рванули в нору под тревожное тьяканье перепуганной мамыши.

Появившийся через пару секунд Мишка быстро оценил обстановку и тут же отогнал всех остальных, сбежавшихся на крик к краю оврага и с удивлением рассматривающих окровавленный зад друга.

– Сами разберемся, нечего на голого мужика глазеть, – подтолкнул он Аньку – девушку Витьки, стройную большеглазую блондинку.

– Чего я там не видела? – хмыкнула та, но вниз не полезла, лишь крикнула страдальцу:

– У тебя все нормально?

– Да! – выдавил тот, чувствуя, как нечто теплое не спеша растекается по ягодице.

– Хорошо! Жду тебя около палатки, – Аня повернулась и ушла обратно со всеми, а Мишка поспешил на помощь к другу.

– Лишь бы это была кровь, – думал тот, не решаясь проверить рукой. Живот совершенно не болел, зато сзади жгло словно огнем.

Пока Мишка бегал в лагерь, Витек, постанывая, рассматривал ошалевшего от неожиданного знакомства ежа. Тот, в свою очередь, маленькими черными глазками посматривал на источник шума и поджидал момента, чтобы убежать. Вскоре раздался треск хрустящих под ногами сучьев, и Миша, держа в руках древнюю аптечку и небольшой полиэтиленовый пакет, приземлился рядом с другом. Ежик фыркнул и снова свернулся калачиком.

– Здесь только моток бинта, какая-то сеточка, давно просроченный валидол и початая пачка презервативов. Ни перекиси, ни йода нет, – резюмировал Мишка, – даже зеленкой не пахнет. Представляешь, будут тебя в армии рассматривать, а у тебя задница зеленая. Скажешь, что новогодней елкой работал. Вот и комиссуют быстренько, – хохотнул он.

– Да уж, разгонятся и еще раз комиссуют, – прыснул Витька, представив свои зеленые полушария. – Вон у Степановых Васька с пороком сердца служит где-то в связи. И ничего, живой. Заматывай давай и сотри там все.

– Братан, ты как краснопопый павиан, смотреть страшно. Хоть и ржачно, – хохотнул Мишка, вытаскивая рулон бинта. – Придется потерпеть, дезинфицировать придется водкой.

Смыв принесенной водой кровь и вытащив одну застрявшую иглу, он вручил ее Витьке:

– Держи, честно заработал.

Затем, открутив крышку бутылки, обильно полил пахнущей спиртом жидкостью сделанный из бинта тампон.

– Громко не вой, – Мишка принялся обрабатывать исколотую ягодицу друга.

От Витькиного рева, вновь всколыхнувшего округу, лисята попрятались еще глубже, волк напряженно застрелял ушами, намереваясь рвануть куда подальше от этого сумасшедшего места, а ежик на всякий случай сжался еще сильнее.

После того как Витька успокоился, Миша принялся неумело перебинтовывать рану. В результате старательных пыhtений на свет появился причудливый узор из бинта, способный вызвать гомерический смех не только медработника, но и простого обывателя. Запихнув это изделие в штаны, Витька поднялся и, прихрамывая, начал было подниматься вверх, но вдруг вернулся и аккуратно просунув ладони снизу, взял ежика.

– Домой отвезу в качестве трофея. Или в больницу. Может, он бешенством страдает и специально под меня залез, диверсант хренов.

– Твою ж мать! – подумал еж, недовольно фыркнув. О встрече с молоденькой ежихой, к которой спешил, скорее всего, придется забыть. Лишь бы эти двуногие не захотели его сожрать.

Поправив другу торчащий из-за пояса бинт, Мишка закрыл аптечку:

– Презики-то отдай, тебе точно не понадобятся, а у нас с Ленкой всего одна пачка на сегодня.

– Мои в сумке. Это, видимо, батины. Вот кобель старый. Мамка найдет, башку снесет.

Вечером, полулежа на покрывале, грустно жуя только что снятый с мангала ароматный шашлык, Витька думал, что об ожидаемой ночи любви с Анькой можно забыть. А ведь так хотелось, чтобы последняя ночь запомнилась обоим. Они вместе с седьмого класса, а рубеж поцелуев украдкой преодолели всего лишь год назад, на Рождество. Тогда, напившись шампанского, они впервые занялись сексом прямо в спальне родителей, пока те были в гостях у тети Вики в соседнем доме. Получилось как-то непонятно, смазано, быстро. Да и простынь испачкали, пришлось потом долго объясняться с матерью под довольное хихиканье отца. После этого были еще попытки в разных местах, таких как баня, детская площадка, туалет придорожного кафе, откуда их прогнали хозяева, пообещав в следующий раз набить Витьке морду. Но так, чтобы на всю ночь, обнявшись, не было еще ни разу. По лицу расстроенной девушки было понятно, что ее мечты тоже сорвались, о чем она незамедлительно сообщила Вите, демонстративно обидевшись и пересев за другой край стола.

«Не дождется она меня со службы», – с горечью подумал тот, опрокидывая очередную стопочку.

Гуляние продолжалось почти до утра, выпитое спиртное сказались на молодом неокрепшем организме Витька, вызвав приступы сильной рвоты. Он едва успел добежать до ближайшего дерева, где долго стоял, сложившись пополам.

Анька обиделась окончательно и даже ушла ночевать в палатку, где намеревались предаться утехам Мишка с Ленкой, испортив им весь запал.

Ежик, посаженный в багажник машины, всю ночь не спал, принюхиваясь к новым для себя запахам и искренне не понимая, что нужно этим странным чудищам.

Утром, придя в себя, компания свернула лагерь и, дыша друг на друга перегаром, двинулась в обратную дорогу.

– Выбрось ты эту скотину, – буркнула Анька, усевшись на переднее сиденье и двигая ногами небольшую коробку, стоящую на полу, в которой сидел несчастный еж.

– Вот именно, выпусти его, – поддержал Мишка, – пусть домой ползет.

– Нет, – Витька и сам не понимал, зачем ему нужен зверек, но отпускать его просто так не хотелось. Нашупав в кармане иголку ежа, он переложил ее в портмоне с документами:

– Трофеей из задницы, – хохотнул Мишка.

Поставив машину в гараж, Витя с коробкой под мышкой проводил Аню.

– Может, возьмешь его к себе? – кивнул он, прощаясь с девушкой, – ежики – они такие милые.

– Вот еще, – Аня дежурно чмокнула его в щеку и скрылась за дверью.

Витька немного постоял, затем тяжело вздохнул и отправился домой, размышляя, куда же пристроить животное. Отец с матерью заставят выбросить ежа в лесу, а если и разрешат оставить, то ухаживать за ним точно не будут.

На подходе к родительскому дому на глаза попала соседская девушка, на которую обычно не обращал внимания.

– Нужен ежик? – спросил он ее.

– Ой, какой милый, – Ольга захлопала в ладошки, – так забавно фыркает! Назову его Витька, не возражаешь?

– Это Диверсант, – усмехнулся парень и передал ей коробку. – Себе бы оставил, но мне завтра в армию идти.

Девушка посмотрела на него грустными глазами:

– Ты так быстро вырос, совсем мужчина.

На следующий день, стоя около военкомата, Витя крутил головой, ожидая увидеть Аньку.

– Так не бывает, – думал он, – ведь сама же говорила, что любит. Не могла же так сильно обидеться из-за того вечера. Долбаный ежик! Диверсант! Вернусь, сам иголки повыдергиваю!

От этой мысли Витька улыбнулся, представив лысого ежа, и даже не заметил, как перед ним появилась Ольга.

– Привет! – поздоровалась она. – Мимо проходила, заодно решила проводить тебя на службу. Теперь долго не увидимся. А ежик вчера молочка попил, такой забавный, все изучает. Я ему под верандой гнездышко устроила. Может, останется, не убежит. Невольно я его не хочу, все-таки к свободе привык.

– Ну и правильно, умница, – согласился Витек.

Появившийся прапорщик командным голосом позвал всех призывников пройти за ворота и построиться внутри для переключки.

– Не придет, – грустно вздохнул Витька, все еще думая об Ане, а затем, скорее, со злостью, кивнул Ольге:

– Ну что, красотка, дождешься меня? – и тут же осекся, увидев в ее взгляде нечто особенное.

– Да, – девушка кивнула и зарделась, – вдвоем подождем. Я и Диверсант.

Проходя за ворота в новую жизнь, Витек обернулся и махнул рукой Ольге. Что-то в его сердце вдруг перевернулось, наполнив непонятным, но очень приятным теплом.

Куда ведут мечты

Погрузившись в легкую дремоту, Мишка не сразу понял, что произошло. Лишь несколько секунд спустя до него дошло, что салон самолета наполнился тишиной и моторы больше не ревут, как прежде. Холодея от ужаса, с замиранием сердца он выглянул в иллюминатор и увидел остановившиеся винты. Пожалуй, это чертовски страшно – смотреть на неподвижный пропеллер летящего на большой высоте военного транспортника.

Вскоре из кабины до ушей солдата донеслась отборная ругань. Летчики громко матерились, проклинали прапорщиков, смешавших керосин с водой, чтобы скрыть факт хищения, техников, не проверивших качество топлива, и начальство, заставившее лететь на старой колымаге на окружной аэродром, чтобы привезти обратно почту, сухой паек и несколько ящиков водки.

– Держись, боец, посадка будет жесткая, – один из пилотов повернулся к побелевшему Мишке, – у меня самого зубы вспотели. Покрепче пристегнись. Падаем.

Быстро опускаясь, большой самолет планировал вниз, где среди горных хребтов предстояло с первого раза найти хоть какую-то пригодную площадку. Это был единственный, хоть и очень маленький шанс на спасение.

– Тяни! – заорал командир воздушного судна, когда до земли оставалось совсем немного. Вцепившись обеими руками в штурвал, он вместе с напарником пытался выровнять многотонную машину, немного задирая ей нос, чтобы не воткнуть с размаху в камни.

Стук, скрежет, хруст рвущегося фюзеляжа – это последнее, что запомнил Мишка, когда его, словно щепку, выбросило из развалившегося на ходу самолета, вырвав из ремней, которыми был пристегнут к металлической скамейке.

– Вроде живой, – раздался сквозь темноту незнакомый хриловатый голос.

Преодолевая тягучую боль, Мишка открыл глаза и тут же увидел направленный на него ствол автомата. Кто-то сильный схватил его за шиворот и рывком поднял на ноги.

– Стой, гяур!

Мутным взглядом, медленно приходя в себя, Миша посмотрел на обломки самолета, вооруженных людей, обступивших его, на каменистые горы вокруг небольшого плато, куда пилоты решили сажать машину. Голова, словно наполненная ватой, вдруг начала кружиться, увлекая вниз, прямой к шатающейся под ногами земле. Завалившись вперед, чудом выживший в катастрофе солдат потерял сознание.

Так он стал рабом Ахмета, высокого пожилого бородатого мужчины, старший сын которого недавно погиб во время нападения на один из блокпостов федеральных войск.

Дом, где проживал хозяин, находился далеко в горах. Ни электричества, ни связи с внешним миром здесь не было. Вся семья Ахмета состояла из трех взрослых сыновей и девушки-подростка. Жена умерла во время последних родов, оставив новорожденную дочь на воспитание отца, не чаявшего в ней души.

С утра до вечера Мишка трудился по хозяйству, выполняя любую работу, на которую указывал молчаливый Ахмет. Взамен получал миску супа, кусок хлеба и удар деревянной палкой по спине, если проявлял нерасторопность.

– Гяур, принеси воды, – стройная черноволосая дочка хозяина, почти ребенок, махнула рукой, указывая на горный ручей, бегущий в низине, – мне белье постирать надо.

– Так может, спустишься вниз и постираешь на месте? – Мишка выпрямился, вытер пот. Камни, которые он таскал для фундамента нового сарая, казалось, весили по сто килограммов.

– Какой ты дерзкий, – фыркнула Зухра, – я отцу пожалуюсь.

– Как хочешь, – пленник взял камень и, медленно шаркая ногами, понес его к большой куче. В угрюмом, заросшем и оборванном человеке вряд ли кто-то смог бы сейчас узнать моло-

дого веселого парня, каким он был всего полгода назад. Каждый новый день все больше убивал желание жить, превратившись в сплошную темную полосу. В начале своего рабства Мишка пробовал было сбежать, но его поймали уже на второй день, сильно избили и бросили в холодный подвал.

– Гяур, больше так не делай, – сказал Ахмет, выпуская его через неделю, – в горах легко заблудиться. Да и некуда тебе бежать, любой встречный или убьет, или ко мне приведет.

В том, что Ахмет важный человек, Мишка убедился чуть позже. Периодически сюда приезжали на «уазиках» вооруженные люди, иногда даже в военной или полицейской форме. На Мишку они смотрели с презрением, не говоря ни слова. Похоже, никого из них не удивляла роль несчастного солдата. Поговорив с хозяином, гости либо оставались на ночь, устраивая застолье, либо уезжали через несколько часов. Иногда Ахмет выходил на улицу, доставал спутниковый телефон и очень долго с кем-то разговаривал, прохаживаясь взад-вперед.

– Эй, гяур, – Зухра задорно улыбнулась, – не хочешь идти за водой, отнеси белье на речку, а потом наверх поднимешь.

– Хорошо, – Мишка донес камень до места, затем пошел помогать девушке, взвалив на себя огромный тюк.

– Что значит твое настоящее имя? – девочка, грациозно перепрыгивая с камня на камень, спускалась вниз.

– Миша с древнееврейского переводится как богоподобный, – пленник осторожно шел следом, стараясь не оступиться.

– А мое означает цветок, – рассмеялась Зухра. – Отец говорит, что я очень похожа на маму.

Девочка остановилась, тяжело вздохнула и посмотрела на небо:

– Она любит меня даже там, высоко на небе. А у тебя есть мама?

– Есть, – Мишка кивнул, – и тоже меня любит. Страдает, наверное, очень сильно. Бедная, скорее всего, ей сказали, что я погиб при крушении.

– Хочешь домой? – девушка пристально посмотрела на пленника.

Тот тяжело вздохнул и кивнул:

– Кто ж не хочет? Дом – самое лучшее место на Земле. Больше всего хочу туда вернуться. Получится или нет, не знаю. А у тебя есть мечта? – Мишка, впервые улыбнувшись за эти месяцы, посмотрел на девочку.

– Да, – кивнула та и покраснела, – когда вырасту, хочу стать ученым и изучать звезды. Они такие красивые, хоть и далекие. Моя мама сейчас одна из них. Я часто не сплю по ночам, рассматриваю Млечный путь. Попросила у отца телескоп, но он сказал, чтобы я выбросила эту глупость из головы.

Возвращаясь через несколько часов обратно, Зухра поскользнулась, и ее нога попала между камней, где тут же была укушена прячущейся в тени гюрзой. Закричав от боли, девочка рванулась в сторону, и кость предательски треснула.

Мишка, бросив свежевystиранное белье, бросился на помощь. Аккуратно вытащив ногу, он тут же перевязал ее выше колена мокрым полотенцем. Затем, опустившись, принялся отсасывать яд, сплевывая его в сторону. Закончив с этим, взял плачущую от боли девушку на руки и, надсадно дыша, двинулся вверх по склону напрямик к дому, где быстро наложил шину из небольших досок, найденных в сарае. Ахмет, появившись чуть позже, завел машину, бережно усадил дочь на заднее сиденье и повез ее по каменистой дороге в далекую районную больницу. Вернулись они под утро. На ноге девочки красовался белый гипс, который предстояло таскать почти месяц.

– Спасибо, богоподобный, за помощь, – грустно кивнула она Мише, когда тот, взволнованный дневными событиями, вышел встретить машину.

– Иди спать, гяур, нечего глазеть, – Ахмет подхватил бледную дочь и понес в дом. Чуть позже он вошел в сарай, где на соломенной подстилке лежал Мишка. Тот инстинктивно сжался, ожидая удар.

– Ты спас моего ребенка от смерти, – хозяин подошел поближе. – Проси что хочешь, кроме свободы. Могу дать телефон, позвонишь родителям, скажешь, что живой.

– Спасибо, – Мишка встал, – пусть думают, что я умер. Так им спокойнее будет. Купите лучше дочке телескоп, чтобы смотреть на звезды.

Хмыкнув, Ахмет вышел из сарая и закрыл дверь.

После этого случая относиться к Мишке стали лучше. По крайней мере, Ахмет и сыновья перестали использовать палку для наказания нерадивого раба.

А вскоре у Зухры появилась телескопическая труба, о чем она, счастливо улыбаясь, поведала пленнику:

– Гяур, я вчера рассматривала Луну. Не представляешь, как это красиво!

Однажды, в самом конце августа, проходя вечером мимо сарая, девочка услышала тихое всхлипывание. Открыв дверь, она увидела раба, который сидел, обхватив руками колени, такой маленький, одинокий, незащитный.

– Ты чего плачешь, гяур? – Зухра подошла поближе и внимательно посмотрела в заплаканные глаза Мишки.

– Да что-то накрыло сильно, – ответил тот, вытирая слезы рукавом, – дом вспомнил. Родители, наверное, картошку выкопали. Мама варенья на зиму наварила, всяких вкусностей накатывала. Папа дров нарубил и сложил в сарай. Готовятся потихоньку к зиме, а я даже помочь ничем не могу. Жалко, что у людей нет крыльев, давно бы улетел.

– Я бы тоже, – вздохнула девочка.

– Куда тебе лететь? – Мишка грустно улыбнулся.

– Отец собирается выдать меня замуж, м выпалила Зухра, – второй женой какого-то большого человека.

– Ты же маленькая, – удивился пленник, – какое замужество? А как же звезды? Наука? Все, о чем ты мечтала?

– Наверное, так и останутся внутри меня, – девочка постояла, посмотрела на Мишку и вдруг улыбнулась. – Гяур, мне-то терять нечего, попробую кое-что для тебя сделать.

Она повернулась и побежала в дом. Лежа на подстилке, пленник слышал громкие крики, доносящиеся оттуда. Звонкий голос Зухры то и дело перебивался глухим баритоном Ахмета.

– Упертая, вся в мать! – утром хозяин зло открыл дверь сарая и бросил Мишке мешок с одеждой. – От старшего сына осталось. Тебе подойдет. Переодевайся, отвезу в город и куплю билет до дома. Ты свободен. В мешке бритва, приведи себя в порядок, чтобы полиция в дороге не цеплялась.

Пока Ахмет готовил автомобиль, Мишка, неумело сбрил у ручья клокастую бороду, успев несколько раз порезаться.

– Ого, как ты изменился, – улыбаясь, Зухра хлопнула в ладоши.

Пошарив в кармане, Мишка вытащил маленькую тряпочку, в которую была завернута серая иголка ежа.

– Держи, это единственное, что у меня есть, подарок друга. Трофей от Диверсанта, так ежика звали. Пусть он останется у тебя на память и хранит от всех бед.

– Спасибо, – девочка взяла талисман, повертела в руках и прижала к груди, – я очень рада, что твоя мечта скоро осуществится.

Вскоре Ахмет увез бывшего пленника в райцентр. Проводив машину взглядом, Зухра улыбнулась, вытерла набевшую слезинку и посмотрела в небо:

– Mamочка, пусть у него все будет хорошо.

@writer_vladimir

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО

—
НАТАЛЬЯ МАРТЫНОВА

Ванечка

Каждое лето родители возили Ванечку в гости к бабушке. Ехать туда нужно было на поезде почти целые сутки, и сама поездка была для мальчика приключением. Днём ему разрешали забираться на верхнюю полку, и он смотрел в окно на «пробегающие» мимо дома, речки, озёра. Особенно мальчику нравилось, когда поезд проезжал по мосту. Звук стука колёс в этот момент смешивался с гулом металлических пролётов и становился особенно громким: тук-тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук... Иногда Ванечка махал рукой рабочим в оранжевых жилетах, которые ждали, когда пройдёт поезд, чтобы заняться ремонтом железной дороги. И они тоже махали ему в ответ. Папа говорил, что это монтеры пути. Так называется профессия этих людей. А ещё в поезде можно было пить ароматный чай из стакана в красивом металлическом подстаканнике, размешивая ложечкой кубики сахара, и покупать мороженое во время остановок на больших станциях.

В этот год Ванечка с особенным нетерпением ждал поездку в Черняховск. В ноябре ему уже исполнилось пять лет и его перевели в старшую группу. Воспитатель в садике рассказывала про разные профессии. Детей даже водили на кухню и показывали, как работает повар, который кормит их в садике вкусными обедами. Ещё к ним приходил милиционер из ГАИ и рассказывал про правила дорожного движения. Но однажды папа Маши Петровой организовал для группы «Ромашка» экскурсию в пожарную часть, и эта экскурсия перевернула жизнь Ванечки на «до» и «после». У мальчика появилась мечта стать пожарным! Ванечка представлял, как мчится на красной машине с мигалками вместе со своим пожарным расчётом, как они раскатывают рукава, выдвигают лестницу, как он, Ванечка, врывается в окно на пятом этаже и выносит из огня плачущего малыша, а другие пожарные в это время начинают тушить огонь.

Ванечка был уже довольно большим мальчиком, и понимал, что до того момента, как он сможет стать настоящим пожарным, ему ещё расти и расти, поэтому решил попробовать сам развести огонь и потом потушить его. Потренироваться. Чтобы к тому времени, когда Ванечка окончит школу и станет пожарным, быть уже подготовленным ко всем сложностям героической профессии. Но мальчик понимал, что в Ленинграде осуществить мечту будет сложно. Он не представлял, как и где, а главное, из чего там можно развести огонь. Даже если Ванечка и найдёт на детской площадке какие-то ветки, то они будут сырыми и непригодными для этого. Самым идеальным местом для воплощения в жизнь мечты представлялся ему бабушкин двор. Тут в наличии было полно сухих веток и даже дров, на сеновале всегда было сено. И главное, во дворе стояла колонка с водой, к которой бабушка присоединяла резиновый шланг для полива огорода. Им-то Ванечка и думал воспользоваться для тушения импровизированного пожара.

И вот долгожданный день настал! Поезд прибывал на станцию Черняховск. В окне показалось старинное здание вокзала и вместе с перроном мимо окошка «проплыла» папина сестра, тётя Таня. Поезд остановился. Папа взял такси и через пятнадцать минут все трое уже выходили у бабушкиного дома.

– Бабу-у-у-ля-я! Я приехал! – Ванечка бежал к дому через двор.

Там его встречали старые друзья: виляя хвостом, пытался лизнуть пёс Пушок, а вокруг ног крутился кот Марсик. Даже петух Петька вышел из курятника посмотреть, отчего переполох такой во дворе. Надо сказать, что прошлым летом Петька чуть было не лишился головы из-за Ванечки.

– Ну клюнул я его пару раз. Чего орать-то так было?! А бабка с топором потом за мной бегала, – подумал петух и принялся грести лапами землю, делая вид, что ничего не происходит.

– Марсик, я тебя спасти буду! – погладил кота Ванечка.

– Пушок, я бы тебя, конечно, взял, но ты для пострадавшего на пожаре очень тяжёлый, а кота я с лёгкостью смогу поднять, – мальчик посмотрел на деревянную лестницу, ведущую на сеновал.

В голове юного друга пожарных в этот самый момент рождался идеальный план...

Обрати тогда кто-то внимание на эту фразу, и события могли бы вполне развиваться по-другому. То ли в суете встречи никто не придавал значение словам ребёнка, то ли сыграла роль уже сложившаяся Ванечкина репутация, но никто даже подумать не мог, что в его головке могут рождаться такие крамольные мысли. Этого голубоглазого ангелочка обожала вся семья. К тому же он был послушным и не баловным мальчиком.

– Приехали! Заждалась уже! Проходите, проходите скорее! Я блинов напекла, пельменей налепила, – суетилась бабушка, обнимая внука.

Ванечку окутал такой родной, тёплый запах дрожжевого теста, яблок, ванили, земляничного мыла и едва уловимый, терпкий запах дыма от плиты, в которой бабушка пекла пирожки.

Время шло своим чередом. Ванечка гонял на велике, который ему купили в прошлом году. С бабулей они ходили купаться на речку. С Наташей ели в кафе-мороженое. Она хоть и приходилась Ванечке двоюродной сестрой, но была уже взрослой девушкой, и с ней было веселее, чем с бабушкой кататься в парке на каруселях. Бабушка почему-то боялась высоты. Однажды внук уговорил-таки её прокатиться на «чёртовом колесе». Как только карусель поднялась от земли, бабушка крепко схватила Ванечку, хоть он и был пристёгнут ремнями.

– Помогите! Спасите! Остановите, мы сойдём! – кричала бабуля.

Уговаривал мальчик бабушку, что всё хорошо и что ему не страшно, но карусель всё равно остановили и всех высадили.

Да и по хозяйству дел у Ванечки с бабушкой хватало. Они ходили к речке косить кроликам траву, а на обратном пути бабушка везла мальчика в тележке, усаживая его на кучу мягкой травы. Ванечка подставлял лицо тёплому летнему ветерку, вдыхая свежий запах скошенного разнотравья, и был в этот момент абсолютно счастлив.

Дома они с бабушкой разносили траву по клеткам с кроликами, крошили хлеб и кормили кур. Вечером бабушка собирала смородину, чтобы утром пойти на рынок и продать её. С рынка она возвращалась с полным ведром продуктов, купленных за вырученные с продажи ягод денег, среди которых, конечно же, было уже чуть подтаявшее мороженое. Сверху всегда лежал сдобный «Невский» пирог, макушка которого была щедро посыпана сахарной пудрой.

За делами Ванечка стал забывать про свою идею с пожаром, но судьба сама подкинула ему напоминание в виде документального фильма про работу пожарной части, который однажды вечером показали по телевизору.

И мальчик начал подготовку. Коробок спичек он нашёл у бабушки в столе. В коридоре на сундуке положил старую строительную каску, которую обнаружил в сарае. Проверил крепко ли стоит деревянная лестница, и сказал Марсику, чтобы тот был готов завтра вечером спастись из пожара. Единственное, что тревожило Ванечку, это то, что бабушка, наверное, расстроится. Ведь она доверяла ему, Ванечке. А он, получается, подведёт её.

– Но ничего ведь страшного не случится, я сразу залью огонь водой. Бабушка может быть не заметит ничего, – подумал Ванечка и с этой мыслью уснул.

К вечеру следующего дня, когда бабушка возилась с тестом для пирожков, а Наташа в комнате готовилась к экзаменам, Ванечка, одев на голову каску, вышел во двор. Взяв под мышку ничего не подозревающего Марсика, мальчик залез с ним на сеновал. Сложил у входа в кучку остатки сухого прошлогоднего сена, и чиркнул спичкой. Сено загорелось в один миг. Выход на улицу для Ванечки был закрыт. Огонь разгорался всё сильнее и начал уже «пожирать» старые доски. Кот, заметавшись по сеновалу и не найдя другого выхода, перепрыгнул огонь и выскочил на улицу, подпалив немного усы. Увидев пробегающего кота и почуяв запах дыма, пёс Пушок следом за котом с лаем кинулся к дому.

– Да что с вами происходит-то? Что расшумелись?! – хозяйка выглянула за дверь, прикрикнув на кота с собакой.

– Господи Иисусе! Ванечка! Наташа, бежим скорее! – крикнула бабушка, хватая на бегу ведро с водой.

Она забралась на лестницу и выплеснула воду на огонь, Наташа уже подавала ей следующее ведро.

– Ванечка! Где ты? Выходи скорее, не бойся! – и тут она увидела его, сидящего в дальнем углу.

Бабушка схватила внука в охапку. Снизу постройку уже поливал водой из шланга сосед, прибежавший на помощь. Огонь был потушен.

Из курятника, который находился как раз под сеновалом, выбегали испуганные куры. И только петух Петька почему-то не выходил. Бабушка вынесла его на руках и положила на землю. Петька не подавал признаков жизни.

– Видимо, задохнулся в дыму, – сказала она, поливая петуха водой.

Ванечка заплакал, прижавшись к бабушке. Ему было очень жаль петуха, хоть и клевал он его прошлым летом. В этом же году петух Ванечку не трогал. Мальчик иногда сыпал Петьке семечек, и они даже подружились.

Куры стояли в стороне, наклонив головы, и смотрели, как хозяйка льёт воду на Петьку.

– Что она делает? Утопить его хочет? А вдруг опять за топор схватится? – переговаривались они между собой.

Вдруг Петька открыл глаза и затряс гребнем.

– Опять я из-за этого мальчишки чуть не погиб! – петух вскочил на ноги и побежал в малинник. За ним помчались его куры.

– Бабуля, он живой! Петька живой! Я никогда не буду больше так делать! – обрадовался Ванечка, утирая слёзы и размазывая грязь по лицу.

– А если захочу что-то поджечь, я у тебя спрошу. Или у Наташи. Правда, бабуль?! – улыбнулся мальчик.

– Правда, правда! Идём мыться, горе ты моё луковое! – Ванечка вложил ручку бабушке в ладонь и они пошли в дом.

Наташа смотрела им вслед и думала о том, как мудро поступила бабушка, что не стала ругать Ванечку. Мальчик не побоится в следующий раз рассказать свои тайны взрослым, даже если случится что-то серьёзное.

Всё будет хорошо

– Лен, ну что ты стоишь? Давай режь! – на диване мы с подругой разложили платье её школьной формы, с намерением превратить его из макси в мини. Вооружившись сантиметровой лентой и непонятно откуда взявшимися портняжными ножницами, произведя необходимые замеры непосредственно на модели, я отметила координаты на платье куском мыла. К тому времени мы были практически дипломированные швей-мотористки – полгода по четвергам пришивали к шинелям погоны в учебно-производственном комбинате, базировавшемся в военном ателье.

– Наташ, мать меня убьёт! – Ленка думала о том, что родительница явно не оценит её экспериментов и поэтому медлила.

– Ай, давай сама отрежу! Всё будет хорошо! – я вырвала у подруги из рук ножницы и в одну секунду поделила юбку практически на две равные части.

Понимание ужаса случившегося пришло ко мне с последним щелчком ножниц.

– Лена! Мы не оставили ни сантиметра на подгиб!

Утром подруга стояла у доски. Одной рукой она записывала решение задачи по химии, другой тянула вниз предательски поднимающийся подол школьной формы. Я сидела, закрыв глаза рукой. Все восемь парней нашего класса в этот день получили мощный выброс гормонов. Но это были цветочки по сравнению с тем, что ждало подругу вечером дома. Мать увидела висящий на вешалке обрубок, называвшийся ещё вчера школьным платьем...

Мы заканчивали десятый класс, были юны и беспечны, а впереди нас ждали выпускные экзамены и очень сложный выбор – выбор профессии.

Ленка мечтала стать археологом и готовилась к поступлению на исторический факультет университета. Меня же кидало из стороны в сторону: стенографистка со знанием иностранной машинописи, корректор, художник-декоратор, парикмахер, технолог молочного производства. Это самая малая часть профессий, между выбором которых я разрывалась. Мама с бабушкой почему-то не одобряли моих метаний. В нашем небольшом городке имелось весьма неплохое педагогическое училище, в котором я и должна была, по их мнению, учиться.

Но послушная домашняя девочка, которой я была, в этот раз стояла насмерть и отказалась продолжать семейную учительскую династию. Внезапно пришедшая в голову идея – спасать в Африке людей от голода и эпидемий, как нельзя лучше, вписывалась в мои представления о жизни. Но так как в области мединститута не было, я, закатив истерику, вытребовала себе право поступления в медицинское училище.

Мы с Ленкой, надев свои самые лучшие наряды, отправились покорять столицу. Не совсем столицу России – наш областной центр. Первая самостоятельная поездка в Калининград, видимо, напрочь отключила мозги в наших головах. В приёмной комиссии университета был перерыв на час. И мы даже не заметили, в какой момент подруга передумала становиться археологом и подала документы вместе со мной на акушерское отделение. Возможно, роковую роль сыграли её выпускные туфли на пятнадцатисантиметровом каблучке. До университета нужно было идти приличное расстояние пешком.

– Наташка, я матери ничего не скажу пока. Это тебе не твоя баба Клава. Долго уговаривать не будет. Может и шлангом отлупить, и заставить забрать документы из училища. А так – езжу и езжу в Калининград. Откуда она узнает, где я учусь? – рассуждала Ленка, заклеивая пластырем кровавые мозоли на ногах.

– Да уж, теперь мать нескоро дожждётся твоего отъезда на археологические раскопки, – ржала я в голос, безумно радуясь тому, что мы опять будем учиться вместе.

– Давай сюда свои инквизиторские колодки! Обувай мои – я протянула Ленке босоножки и надела её туфли.

Выглядела наша пара довольно эпатажно. Я, спотыкаясь, шла на каблуках, вместе с которыми рост был около ста восьмидесяти пяти сантиметров. Подруга хромала где-то в районе моей подмышки. Наши лица светились неподдельным счастьем. Вся жизнь была впереди, и мы верили, что всё и всегда будет хорошо...

До экзаменов ещё было около недели и мы вернулись домой. На городском стадионе были назначены соревнования в клубе служебного собаководства, в котором я и Лена состояли вместе со своими собаками. Попастъ туда можно было двумя путями. Коротким – по тропинке вдоль реки, и длинным – в обход через центр города. Бабушка запрещала ходить вдоль речки. В последнее время участились случаи нападений на женщин. В городе появился насильник, поджидающий жертвы в зарослях травы и кустарника. Считая себя уже взрослыми, почти студентками, мы, конечно же, пропустили бабушкины слова мимо ушей и пошли короткой дорогой!

– Помоги-и-ите-е-е! – вдруг совсем рядом с нами раздался женский крик.

Мы побежали на шум борьбы и ломающихся веток. Насильник, увидев нас, оставил девушку в покое и кинулся в сторону города.

– Взять! – указывая на мужчину, мы отпустили собак с поводков. Оба пса прыгнули ему на спину, провалив на землю.

– Лена, беги скорее на стадион, зови Галю с Герой! Нашим его долго не удержать.

– Охранять! – отдала я собакам команду.

Мне было очень страшно от мысли, что собаки породы колли и русская дворцовая не предназначены для заставно-караульной службы, хоть и обучены ей.

– Я тебя убью, пацанка! – пугал меня мужик. Собаки же, чувствуя исходящую от него угрозу, не позволяли подняться на ноги.

– Всё будет хорошо! Всё будет хорошо! – шептала я про себя.

На помощь нам уже бежали немецкая овчарка Гера и её хозяйка Галя. Их догоняли другие члены клуба с собаками самых разных пород...

Но как говорят, мы предполагаем, а бог располагает.

Через неделю я завалила химию на вступительных экзаменах.

– А не подать ли мне документы в школу милиции? – шальная мысль мелькнула в то время, когда нам с Ленкой вручал грамоты за поимку опасного преступника начальник районного ОВД.

Мама моего порыва не оценила. И лично отвезла в Культпросветучилище, где я без труда поступила на библиотечное отделение. Двоюродная сестрёнка Настя шепнула мне тогда, что на этом настояла бабушка. В таком тихом месте, как библиотека, по её мнению, у меня было мало шансов встретить уголовника или ввязаться в какую-нибудь очередную историю.

Лена успешно окончила медицинское училище и стала прекрасной акушеркой. Дружим мы более тридцати пяти лет и частенько со смехом вспоминаем наше лето восемьдесят пятого года.

Баба Клава

Памяти моей бабушки посвящается.

Баба Клава заботливо подоткнула одеяло правнуку.

– Набегался за день, баловень! -ласково потрепала она мальчонку по коротко стриженным, выгоревшим на солнце волосам.

Любимчик! А то как же?! Самый младший! В школу нынче пошёл. Дождалась, слава богу. На линейку проводила. Теперь и помирать можно.

Когда только жизнь пролететь успела? Недавно, казалось, девчонками за конфетами с сестрой бегали. Выпросишь, бывало, у деда или бабушки копейку – и в магазин. Продавец в кулёк конфет-голышек отвесит – вку-у-усные-е-е! Сидим на крутом берегу, грызём конфеты-то. Река Волга широкая, сколько взгляда хватает.

И в доме всё ладно. Мама с бабушкой на хозяйстве: скотину управляют, в огороде возятся, обед готовят. И Веня, братишка с ними. Маленький ещё. Отец с дедом с весны до осени в поле: пашут, хлеб сеют, косят, молотят, на мельницу везут. А зимой в степь едут – лошадей ловить.

Беда пришла неожиданно-негаданно. Началась коллективизация. Забрали всё: дом, животных, зерно. Жить в баню выселили. Столько лет прошло, а понять не могу, почему они с нами это сделали. Ведь не было у нас наёмных работников. Своим трудом зарабатывали.

Через какое-то время пришёл учитель.

– Владимир Иванович, почему девочки в школу не ходят? Они у вас смышлёные, им обязательно учиться нужно! – спросил он у отца.

– А в чём я их в школу отправлю? Всё отняли, даже детскую одежду и обувь, – отец развёл руки и опустил на лавку, обхватив голову руками.

Бабушка с мамой заплакали.

– Цыц, все! Без ваших слёз в бане сырости хватает, – в двери вошёл дед.

– А ты что как квашня расселся?! Детей спасти надо, – прикрикнул он на отца.

– Давно брат зовёт в Ивановскую губернию на лесосплав. Тяжёлая работа. Но нам не привыкать. Зато «живыми» деньгами платят. Собирай семью. Едем! Такое моё решение! – сказал дед, как припечатал.

Была в нём какая-то житейская мудрость, прозорливость, что ли. Спас дед своим решением семью от голода, который выкосил много людей в деревне в тот год.

В дороге тяжело заболела мама и вскоре по приезду умерла. Отец так больше и не женился, хоть был ещё молод.

– Ничего, ничего, дочки! Справимся! Я вашей маме обещал, – отец много работал и у нас было всё необходимое для жизни.

Годы шли. Мы с сестрой вышли замуж за местных парней. Гавриил мой красивый был, высокий, статный. Вскоре и дочка родилась – копия отец! Перед войной немецкие имена в моде были. Девочку я Эльвирой хотела назвать, да свекровь не разрешила.

– Клавдия, да ты в своём уме? Что ещё за Эльвира? Это что же, как ливерная колбаса? Вале будет! – свекровь быстро сбегала и зарегистрировала внучку.

Только недолго наша счастливая семейная жизнь длилась. Три годика Вале исполнилось, когда началась война. Гавриила отправили на офицерские курсы, а потом на фронт. Всю войну прошёл он, до самого Берлина немца гнал.

«Тёмная ночь, только пули свистят по степи,

Только ветер гудит в проводах, тускло звёзды мерцают.

В тёмную ночь ты, любимая, знаю не спишь,

И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь...»

*Эту песню муж прислал мне в письме с фронта. А когда я услышала её по радио в исполнении Марка Бернеса, казалось, что поёт он для меня.

*Видимо бог берёт нашу семью, и все мужчины вернулись домой живыми и невредимыми: отец, Гавриил и его брат. После войны мужа оставили служить в Германии и он нас с Валею забрал с собой. В Германии – в Шверине, родились Таня и Вова. А в пятьдесят первом мы приехали в Калининградскую область.

*Всё помню, как сейчас! Как после указа Хрущёва сократили армию и муж остался без работы. И как одежду свою, из Германии привезённую, на еду для детей меняла на рынке. И как квартиру в городе обменяли на пригород, чтобы посадить огород и завести хозяйство. И как в пятьдесят лет от сердечного приступа умер Гавриил...

Жизнь пролетела, как один миг. Не нажила я ни золота, ни богатства. Но не жалею ни об одном дне. Помогала детям чем могла. Няничла внуков: Серёжа, Игорь, Наташа, Настя, Ванечка. Уже и правнуки подрастают. Они все и есть самое настоящее моё богатство! Моя семья!

*Вот и восьмидесятилетие сегодня в кафе отметили. Как я и мечтала – за одним большим столом. Пели песни, танцевали. Весело!

*Ой, да что же это я засиделась?! И чай остыл. Ночь уже.

– Спасибо, Господи, за сегодняшний день, за мирное небо, за то, что не голодаем, за то, за то, что все живы и здоровы, – прошептала, перекрестившись баба Клава, думая о том, что завтра у неё много дел. Нужно встретить из школы и накормить обедом правнуков, проводить их на танцы и гимнастику, проследить, как они делают уроки.

– Значит, нужна ещё на этом свете. Глядишь и поживу...

*В рассказе использованы слова песни «Тёмная ночь».

Настя

I

Настя стояла на берегу и с обрыва смотрела на океан. Волны, доходящие до самых скал, разбивались о камни и хрустальным дождём обрушивались на берег. А когда начался отлив, она спустилась по тропинке вниз и собирала выброшенные волнами ракушки.

– Уже следующим летом я приведу сюда своих мальчишек! Совсем немного времени осталось до их появления на свет! Они будут залиристо хохотать, убегая от накатывающих на берег волн. А мы с Арно будем бегать по песку вместе с ними, и никто не обидит моих детей только потому, что у них другой цвет кожи, – задумалась девушка, радуясь тому, что наконец-то в их жизни наступила относительная стабильность.

Настя познакомилась с Арно в ночном клубе. Они с подругой пришли в модное заведение на Невском отметить поступление в университет. Девушки танцевали и веселились, как вдруг к ним за столик подсели двое мужчин, настойчиво приглашая подруг продолжить вечер на даче. Один из них схватил Татьяну за руку и попытался вывести из клуба. Спас девчонок высокий темнокожий парень, который работал там охранником.

– Это моя девушка! Оставьте их с подругой в покое! – сказал он, преграждая мужчине путь.

Татьяна вырвалась и встала за спину охранника.

– Спасибо тебе! Мы уж и не знали, что делать! – поблагодарили девушки спасителя.

– Что вы тут делаете, девочки?! Не для вас заведение! Насмотрелся я много чего: наркотики, проститутки, бандиты. Вызывайте такси и поезжайте домой. Меня, кстати, Арно зовут, – сказал он, и, улыбаясь, посмотрел на Настю.

Настя уже стала забывать о происшествии в ночном клубе. Но однажды, возвращаясь домой, она увидела Арно, который прохаживался вдоль подъездов с букетом.

– Теперь пришла моя очередь задать тебе вопрос. Что ты тут делаешь? – спросила она.

– Тебя хотел увидеть.

Бабушки на лавочке перестали щёлкать семечки и затихли, разглядывая молодых людей.

– А как ты узнал, где я живу? – удивилась Настя.

– Я слышал адрес, который вы назвали, когда вызывали такси. Только я не понял, что это в Пушкине. Целую неделю тебя разыскивал. Может быть погуляем? – предложил парень, вручая цветы.

Оказалось, что Арно приехал в Петербург поступать в военное училище, но приём туда уже закончился. Домой в Камерун возвращаться ни с чем было стыдно, да и дорого. Парень поступил на подготовительные курсы в медицинский университет, а ночами подрабатывал в клубе, где они и встретились. Проговорили они тогда весь вечер, гуляя в парке. Арно подкупала детская непосредственность девушки, а ей нравились его серьёзные рассуждения о жизни.

II

– Ну что вы там разбушевались, зайчики?! Места вам уже, наверное, мало? Или спортом, как папа занимаетесь? – Настя погладила живот и посмотрела на океан.

Волны с шумом нахлёстывали на берег и рассыпались у прибойя на тысячи перламутровых бусинок.

– Неспокоен океан сегодня. Скоро прилив начнётся, нужно возвращаться. Минут десять ещё погуляю и пойду, – решила девушка и воспоминания нахлынули с новой силой.

Ясный летний день играл бликами на пышной позолоте Екатерининского дворца. Молодых ожидала карета, запряжённая двойкой белых лошадей. Голову дурманило шампанское и аромат цветов, которые были повсюду: в вазах, в руках гостей, на полу кареты и в гривах лошадей. Даже капризная питерская погода радовала молодожёнов солнцем. Они были счастливы, и мир вокруг казался полным любви и света...

Арно окончил университет с отличием и поступил в аспирантуру. В деканате целеустремлённого студента, увлечённого медициной, заметили и пригласили работать на кафедру. А в спортклубе и районной поликлинике он подрабатывал ещё с четвёртого курса. Пациенты любили доброго и внимательного врача, а «бабушки» из нескончаемой очереди, баловали домашним вареньем. Несмотря на все его подработки и Настину зарплату, денег молодой семье не хватало. Съёмная квартира «съедала» большую часть бюджета. Поэтому, когда Арно предложили хорошо оплачиваемую должность спортивного врача в футбольном клубе «Зенит», он с радостью согласился. База клуба находилась за городом. Первый тревожный звонок «прозвучал» в вагоне электрички, в котором Арно ехал с работы. Нетрезвых, бритоголовых подростков в берцах и свастикой на косухах возмутил цвет кожи молодого человека. Выкрикивая нацистские лозунги и оскорбления, открыто нападать на высокого спортивного парня неформалы остерегались.

Арно не хотел волновать жену и не рассказал ей о происшествии в вагоне. Утром Настя сообщила ему долгожданную новость – она беременна. Будущий отец был безмерно счастлив и даже придумал имена для близнецов. К тому времени он защитил докторскую диссертацию и разослал резюме в европейские клиники.

Однажды вечером Арно поздно вечером возвращался с работы и уже подходил к дому, когда его окликнули.

– Стой, чёрный! Закурить есть?

– Я не курю. И вам не советую. Разрешите пройти.

– Парни, он нам хамит. А хамов надо учить, – Арно увидел, как в темноте блеснуло лезвие ножа.

– Ребята, не делайте глупостей! Я мастер спорта по таэквондо, – и быстрым движением выбил нож из руки нападавшего в тот момент, когда тот хотел нанести удар, перехватив руку второго нападавшего.

– Бежим ребята, – крикнул один из парней и компания бросилась врассыпную.

– Настя, я понимаю, что Петербург твой родной город. Тут живут твои родители и брат, – уговаривал Арно жену, вернувшись домой.

– Мы должны уехать, – он не хотел расстраивать жену, но вынужден был рассказать о нападении.

– Но как мы...

– Милая, пойми. Я сегодня испугался не за себя. Это были дети, лет по тринадцать-четырнадцать. Если бы мне пришлось серьёзно обороняться, я мог бы покалечить или даже убить кого-то из них. Скоро родятся наши малыши. И они будут темнокожие. Может случиться так, что мы не будем рядом и не сможем их защитить. Сегодня я получил приглашение на работу из клиники французского города Дьеп...

III

– Девушка! С вами всё хорошо? Давайте мы поможем вам подняться наверх. Прилив скоро скроет тропинку – пожилая француженка обращалась к Насте.

– О, нет! Благодарю вас! Я просто задумалась...

IV

Настя стояла на берегу и с обрыва смотрела на океан. На душе царило тепло и спокойствие. Всё было точно, как в мечтах: вдоль берега, залиvisto хохоча и поднимая фейерверк из переливающихся на солнце брызг, бегали Арно и двое её кудрявых малышей...

@natalia_261168

ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ

—
ЛЮДМИЛА ГРИГ

Вишневое варенье

– Степанида, ты опять со своими банками возишься, – сказала Дарья, снимая грязные галоши и проходя в летнюю кухню.

Степанида посмотрела на неё поверх очков, и не переставая что-то помешивать в медном тазике, ответила:

– Вожусь. А тебе то что?

– Да мне-то ничего, а ты так и проворонишь своё счастье. Цельное лето в своих травах и ягодах сидишь. Что за радость траву выращивать? То ли дело картошка и помидоры, от них хоть польза есть. А от травы твоей – один бурьян по всему огороду, – сказала Дарья, заглядывая в медный тазик.

Степанида славилась на всю деревню своим необычным вареньем. Вот бабы собрали в лесу землянику и сварили обычное варенье. А она из каждой баночки могла сделать шедевр. То лаванду в землянику добавит, то мяту в малину, то душицу в клубнику. И каждая баночка такая духмяная была, такая ароматная. Зимними вечерами дом Степаниды всегда был полон гостей, никто не мог себе отказать в удовольствии попить чайку с необыкновенным вареньем.

Степанида посмотрела на Дарью, и, смеясь, ответила:

– Ну язык у тебя, Дашка, что помело. Картошка с помидорами, а как чай пить с лавандовым вареньем, так ты в первых рядах.

– Что ни говори, но варенье у тебя знатное, – ответила Дарья, вдыхая аромат, исходящий из медного тазика.

– Про какое ты там счастье говорила? – спросила Степанида, снимая тазик с плиты.

Дарья рассказала самую горячую новость деревни. Дело в том, что в соседний со Степанидой дом, приехал сын умершего год назад Михаила Игнатьевича, доброго старичка, жившего в этом доме. Степанида была с ним в самых добрососедских отношениях и не один зимний вечер провела за неспешным разговором у самовара. Очень горевала Степанида, когда Михаил Игнатьевич умер: только он один разделял её увлечение аптекарским огородом и мог дать дельный совет.

– Говорят, он сюда насовсем приехал. Хочет отцовский дом отремонтировать. Капитан дальнего плавания. Вдовец, – с многозначительным видом подвела итог Дарья.

– Что дом собрался ремонтировать, это хорошо, а то ещё годик – два, и без человеческого тепла он бы развалился. А то что вдовец, так я не пойму, к чему ты это мне говоришь? – сказала Степанида, строго посмотрев на Дарью.

– Ну не могу я с тебя – чем старше, тем дурнее. К чему, к чему, да всё к тому ж! Ты одинокая, он одинокий, да ещё и соседи. Замечательно всё могло бы сладиться, – подмигнула Дарья.

– Да ну тебя к лешему, балаболка, – засмеялась Степанида.

За огородными хлопотами Степанида позабыла об этом разговоре. Травы вошли в самую пору, когда их надо собирать и сушить. Вот она и хлопотала, собирая травы в ароматные пучки и подвешивая сушить под навесом.

– Здравствуйте!

Степанида оглянулась. Через забор заглядывал новоприбывший сосед.

– Здравствуйте! – ответила она.

– Дело в том, что я ваш сосед, Иван Михалыч меня зовут.

– Очень приятно, Степанида Андреевна.

– Степанида, такое редкое и красивое имя, – улыбался Иван Михалыч.

– Уж какое есть, – сухо ответила Степанида.

– Извините, если помешал. Но я вот что хотел спросить. Хочу спилить вишню, которая под забором, а на ней ягод видимо-невидимо. Жалко, если пропадут. Может быть, вы заберёте, варенье там сварите, или ещё чего.

Степанида от такого предложения не могла отказаться, тем более что в этом году её старая вишня принесла ничтожно малый урожай.

Иван Михалыч, стоя на лестнице, собирал спелые ягоды и неспешно вёл беседу со Степанидой, которая стояла внизу. Он рассказывал ей курьёзные случаи о своей службе, заставляя Степаниду смеяться тем счастливым смехом, про который она уже позабыла. Потом незаметно перешли на разговоры о личном. Иван Михалыч рассказал, что вот уже десятый год, как вдовец. Степанида поведала о своём раннем вдовстве.

День приблизился к вечеру, урожай вишни, который уместился в три корзинки, стоял у ног Степаниды.

– Спасибо вам, Иван Михалыч, я вас обязательно угощу своим знаменитым вареньем.

– А чем оно знаменито?

– Вот попробуйте и узнаете.

В течение месяца Иван и Степанида виделись урывками, перекинутся через забор приветствиями, да и займутся своими делами. У Ивана во дворе кипело строительство, на месте спиленной вишни возводилась беседка. А Степанида пополняла армию своих банок новыми новобранцами.

Работая на своём участке Иван, то и дело поглядывал на дом Степаниды. Приглянулась ему эта женщина, спокойная, статная, есть в ней некая изюминка, что-то благородное, что ли. Ему очень хотелось увидеться со Степанидой ещё раз, посидеть, поговорить, но он робел. Никогда не был с женщинами робок, а тут чего-то испугался. Да и возраст уже не тот, чай не шестнадцать то уже, а хорошо за шестьдесят.

Беседка была поставлена и выкрашена в белый цвет. Иван Михалыч ударил в корабельный колокол, висящий под куполом беседки, и с довольным видом осмотрел дело своих рук. Ему захотелось, чтобы Степанида оценила его труд.

– Степанида Андреевна, – окликнул он её, заметив в саду.

– Да, Иван Михалыч.

– А как вы смотрите на то, чтобы попить чайку в моей новой беседке?

Степанида некоторое время молчала, но повернулась в его сторону и ответила:

– Положительно смотрю, Иван Михалыч.

– Да, уютная у вас беседка вышла, – говорила Степанида.

– Вот ещё обсажу её диким виноградом, будет совсем по-тургеневски, – смеялся Иван Михалыч, разливая чай.

– А вот и моё знаменитое варенье, – сказала Степанида, открывая баночку вишнёвого варенья.

Опять Иван Михалыч рассказывал байки морского офицера, опять Степанида смеялась. Вот и чайник опустел, и баночка вишнёвого варенья подходила к концу.

– Знаете, Степанида Андреевна, вы меня не просто удивили, а поразили в самое сердце. Такое варенье я ел, дай бог памяти, лет пятьдесят назад. Моя бабушка всегда варила варенье с добавлением каких-нибудь трав. Каждая баночка обладала своим непередаваемым ароматом.

А в вишнёвое варенье она добавляла, как и вы, лаванду. Вот я сейчас ем ваше варенье, а перед глазами встают картины из детства.

– Надо же, моя бабушка тоже всегда варила варенье с добавлением трав. Это она меня научила этим тонкостям и привила любовь к травам, – ответила Степанида, улыбаясь своими воспоминаниям.

Долго ещё они сидели, вспоминая бабушек, детство, юность. Вот уже и луна на небе зажглась, и сверчки в саду запели, а они никак не могли наговориться.

– Что ж, Иван Михалыч, пора нам попрощаться, ночь на дворе, – опомнилась Степанида, поспешно собираясь.

– Как быстро пролетело время. Ещё раз спасибо за ваше знаменитое варенье и за воспоминания, которые оно подарило. Я надеюсь, что мы станем видеться чаще. Вы очень приятная женщина, Степанида, – сказал Иван Михалыч, целуя ей руку.

Уже у себя дома, расчёсывая перед зеркалом волосы, Степанида, улыбаясь отражению, подумала: «Видеться чаще. А почему бы и нет. Жизнь в конце концов штука непредсказуемая».

Высота

Три месяца прошло с того времени, как мы со Стивом расстались. Не скажу, что это время далось мне легко, всё же семь лет вместе. Вместе? А были ли мы вместе? Он никогда не оставался на ночь, говорил, что не сейчас, скоро, но не сейчас. Все праздники и выходные он был с ней, она его семья, она мать его ребёнка.

Боже, это же так очевидно, классика жанра, а я верила. Я думала, что он другой. Я была уверена, что эта классика жанра со мной не сработает, потому что Стив не такой.

Он позвонил в один из выходных, нарушив собственное табу, тем самым подкупив меня.

– Розы, милая, я так больше не могу. Нам надо встретиться и всё обсудить.

– Стив, нам нечего с тобой обсуждать.

– Прошу, не будь такой жестокой. Ты не представляешь, как ты мне дорога.

Он говорил, и говорил, вспоминал неделю в Париже, ту единственную неделю, когда он принадлежал мне двадцать четыре часа в сутки. Знал на что надавить и как растрогать меня. И я согласилась встретиться, нам действительно нужно было расставить все точки.

Стив был верен себе, романтик до мозга костей. Одного он не учёл, заказывая столик в этом ресторане, я боюсь высоты. Семь лет мы были вместе, а такую мелочь упустил.

– Розы, как же я соскучился.

– Стив, я боюсь высоты, ты же знаешь!

– Чёрт, милая, прости, у меня это вылетело из головы. Это самое романтическое место, где виден весь город.

– Ладно, проехали. Просто сядем подальше от окна.

Я понимала – придя на эту встречу, совершаю ошибку: его глаза, улыбка, голос, нет, эти семь лет, пусть и наполовину вместе, не перечеркнуть.

Не помню, в какой момент началась паника, но люди вокруг начали метаться и толпились у выхода. Откуда-то потянуло гарью. Голос из громкоговорителей призывал к спокойствию, что ещё больше возбуждало народ. Автоматика дала сбой, все входы и выходы оказались заблокированы. Мы оказались заперты на последнем этаже высотки.

Паника начала медленно сжимать мне горло, стало нечем дышать.

Из памяти всплыло воспоминание детства, которое было моим ночным кошмаром.

Джек, новый мамин муж, привёл меня на крышу нашего дома. Он пил из бутылки виски и, дыша перегаром мне в лицо, хохотал.

– Розы, ты же правда рискованная девчонка?

– Да, дядя Джек.

– Тогда тебе ничего не будет стоить спрыгнуть вниз. Давай покажи, на что ты способна.

Он потянул меня к краю крыши и начал хохотать. Мне было страшно и очень хотелось к маме. Джек стоял на самом краю и кричал вниз страшные ругательства. Сделав очередной глоток из бутылки, он пошатнулся и полетел вниз. Я посмотрела на распластанное тело Джека, внезапно закружилась голова, и меня стошнило. Сколько я сидела на крыше не помню, но когда за мной пришла мама, я начала кричать, что ненавижу её.

Стив тормозил меня, говорил, что это единственный выход, и я должна ему довериться. Он, наверное, сошёл с ума: если я посмотрю вниз, то у меня начнётся истерика, которая уже была на подходе.

По пожарным лестницам поднимались спасатели и спускали вниз женщин. Стив обнял меня, шепча на ухо, что всё будет хорошо, и у нас всё получится. А у меня перед глазами стояло распластанное на земле тело Джека, и слышался его идиотский смех: «Давай покажи, на что ты способна».

Ноги стали ватными, тошнота подступила к горлу, не помню, но, кажется, меня вырвало прямо на брюки Стива.

Дыма стало больше, он заползал сквозь щели заблокированных дверей. Паника охватила людей настолько, что они, не дождавшись своей очереди к пожарной лестнице, начали выпрыгивать в окна. Я стояла, зажав уши руками, и смотрела, как Стив, оттолкнув мужчину от лестницы, полез вниз. Вот и всё, все точки расставлены.

– Мэм, вы должны пойти со мной, – сказал спасатель, беря меня под локоть.

Я замотала головой, пытаюсь вырваться.

– Я боюсь высоты. Я не смогу. Пожалуйста, не надо.

– Всё будет хорошо, я буду с вами, мэм.

Я стояла и мотала головой, наверно у меня началась истерика, потому что спасатель внезапно ударил меня по щеке.

– Я буду с тобой. Слышишь? Я тебя спасу, – медленно произнёс он.

Мы подошли к лестнице, он смотрел мне в глаза и говорил, что я смогу это сделать.

Я смогу. Я смогу. Я смогу.

Нога оказалась на ступеньке. Я спиной чувствовала надёжное тело спасателя. Мы ступенька за ступенькой спускались вниз.

– Вот так, умница, ты умница, – говорил он, дыша мне в затылок.

Земля. Я стою на земле. Спасатель обнимает меня.

– Розы, дорогая, ты смогла это, – подбегает ко мне Стив.

Я смотрю на этого, чужого мне человека, и тошнота подступает к горлу.

– Стив, отойди, меня тошнит от тебя.

Образ распластанного на земле Джека перестал меня преследовать по ночам. Высота – это не так страшно, если за твоей спиной тот, кто не даст упасть.

Город мечты

Все знакомые в один голос кричали, как же ей с ним повезло. Ну да, не каждый способен терпеть тонкую душу творца. Не всем дано столько мудрости и понимания, когда в муках творчества творец не творит, а вытворяет.

А Денис был просто идеальным мужем. Не в том смысле, что всё терпел и сносил молча, а в том, что он понимал. Гонимал, что сегодняшняя буря завтра превратится в штиль, и из хаоса родится шедевр.

Ника не родилась с кистью в руке, у неё даже не было задатков художника. Её детские рисунки были похожи на «палка, палка, огуречик, вот и вышел человек». Талант внезапно раскрылся в художественной школе, тогда же она поняла, что её жизнь должна быть связана с живописью.

Как правило, у талантливых людей, совершенно непонимающие родители. Ника была не исключением, ей пришлось во избежание конфликта получить человеческую профессию, которая должна была её кормить. Она выучилась на юриста, программу максимум выполнила, диплом родителям принесла.

С Денисом она познакомилась в Питере, когда поехала на выходные рисовать любимый город. А в город влюбилась ещё в детстве, посетив его с родителями. И с тех пор у неё была мечта – создать коллекцию графических рисунков. Сначала она рисовала по памяти или срисовывала с видовых открыток. Затем, став самостоятельной, начала каждые выходные приезжать в Питер и рисовать каналы, мосты, старые улочки города.

Она стояла на мосту Поцелуев и рисовала Исаакиевский собор, когда услышала за спиной:

– Вам удаётся очень тонко передать настроение сегодняшнего дня.

Ника обернулась. Денис с восхищением смотрел на рисунок.

– Благодарю вас, – ответила она, продолжая рисовать.

– Вы не будете против, если я останусь? Обещаю тихо стоять в сторонке и не мешать, – улыбнулся Денис.

– Оставайтесь. Это не частная территория, запретить не имею права, – ответила Ника.

Денис не смог сдержать своего обещания. Стоять тихо у него не получилось. Он болтал без умолку, рассказывая интересные факты о городе.

Потом выяснилось, Денис так же, как и Ника, был безумно влюблён в город, и почти каждые выходные приезжал, чтобы просто побродить по улочкам и мостам.

Они весь день ходили по мостам и каналам, делясь своими впечатлениями и теми фактами, которые были им известны. Денис оказался кладезем информации и показал Нике такие места, о которых она не подозревала. Её голова пухла от идей и планов, и в конце девушка вынуждена была взмолиться, чтобы Денис пожалел её бедную головушку.

– Всё, хватит, иначе я буду вынуждена переехать в этот город на постоянное место жительства, чтобы осуществить все свои задумки, – смеялась она, падая на лавочку в Таврическом саду.

– А почему бы и не переехать, – ответил Денис, украдкой посмотрев на Нику.

До вечера гуляли Денис и Ника по городу и вернулись на то место, где встретились.

– По легенде при расставании надо поцеловать человека и он обязательно вернётся, – сказал Денис, обнимая Нику.

Они целовались на мосту Поцелуев, а прохожие прятали смущённую улыбку.

Да, ей повезло с ним, ей сказочно с ним повезло. Через год они вернулись в этот город в качестве мужа и жёны. Вернулись навсегда, на постоянное место жительства. Денис оказался тем человеком, который не привык бросать слова на ветер.

Он открыл филиал в Санкт-Петербурге, купил квартиру на Невском, с шикарной студией для Ники. Каждое утро из окна своей студии Ника любовалась куполами Казанского собора и встречала новый день с чашкой кофе на балконе, под шум просыпающегося города. Мечта Ники была ещё далека до исполнения, но первая выставка её работ принесла успех.

Город встретил её с распростёртыми объятиями и щедро раскрывал свои тайны. Рисуя никому не известные дворики, Ника знакомилась с людьми, которые беззаветно любили свой город и с радостью делились с ней интересными фактами о том или ином месте. Так, с мольбертом на плече, Ника кочует из одного дворика в другой, оставляя на холсте отголоски своей мечты.

Жить и исполнять свою мечту – это ли не счастье, ради которого хочется просыпаться по утрам?

Брошенные

Она любила просыпаться на рассвете, чтобы город, ещё полусонный, встречал едва уловимым шумом пробуждения. Не спеша варила себе кофе со специями, как научил её один дедушка, в молодости державший кофейню. Выходила на балкон, садилась в кресло и встречала новый день в абсолютной тишине.

Сегодняшнее утро не задалось с самого начала. Будильник, который она точно ставила вечером, не прозвенел. Муж, который вечно забывал, когда она работает, а когда выходная, ушёл на работу. Горячая вода кончилась без предупреждения.

– Блин, и ведь не пятница, и даже не тринадцатое, – смотря на себя в зеркало, говорила Настя.

Утро без кофе обещало, что день будет испорчен. Она ехала в такси и злилась на водителя за то, что тот слушал дурацкую музыку.

– Извините, не могли бы вы выключить эту музыку, – вежливо попросила она.

Водитель молча посмотрел на неё и так же молча выключил.

– Настя, наконец-то ты пришла, – встретила её Даша, которую та должна была сменить.

– Извини, проспала.

– Значит так, на вверенной мне территории всё спокойно. Дедушка из пятой не буянит, даже странно. Мария Филипповна не спала всю ночь, белиберду мне какую-то говорила. Дмитрий Андреевич, наш боевой генерал, как всегда в своём репертуаре, на ладан дышит, а за задницу ущипнуть не забывает. В общем хорошего тебе дежурства, – отчиталась Даша, и, послав воздушный поцелуй, убежала домой.

Настя любила свою работу и своих старичков. Правда, Вера Николаевна, старшая медсестра, на неё часто ругалась:

– Настенька, нельзя так привыкать к людям. Ты медик, ты не должна всех и каждого впускать в своё сердце. Их много, а ты одна. Если всем будешь сочувствовать и всех жалеть, то твоя профессия сожрёт тебя.

Она и сама это понимала, но ничего не могла с собой поделать. Ей было жалко всех этих брошенных стариков, которые, якобы, были помещены сюда для своего же блага, но на самом деле были выброшены своими детьми. А они, находясь в одиночестве и забвении, никому не позволяют говорить плохо про своих детей. Безумно любя тех, кому стали обузой, сидят у окна и ждут, а вдруг сегодня к ним придут с дежурными апельсинами в пакете.

Как она могла равнодушно смотреть, когда Алевтина Павловна, вот уже второй месяц просит её сделать ей лёгкий макияж, чтобы, если придёт сын, не застал её распустёхой.

– Ты знаешь, Настенька, мой Боренька такой занятой человек. Шутка ли, на нём две компании, как с утра уезжает из дома, так только к ночи и является. А дома ему только собака рада. Жена его стерва редкостная. Это из-за неё я попросилась в дом престарелых. Да, я сама изъявила такое желание. Боренька не хотел, но я же свободный человек: где хочу, там и живу, – говорила Алевтина Павловна, пока Настя наводила ей красоту.

Как могла она не пожалеть эту бедную старушку, которую состоятельный Боренька определил в богадельню. Как могла она не любить её, если занятой сынок за два года приехал к матери всего лишь пять раз. Ну и пусть профессия сожрёт её, зато эти забытые люди хотя бы на некоторое время будут чувствовать себя нужными.

Нина Петровна появилась в доме престарелых четыре года назад. Тихая, улыбчивая старушка как-то сразу расположила к себе всех. Она никогда не жаловалась, никого не ждала, ничего не требовала. Единственной её просьбой была пряжа. Она не могла сидеть без дела, руки всегда должны быть заняты. Бесчисленное число носков, шарфов, шапочек, выходило из-под этих морщинистых, но проворных рук.

– Не могу я, Настенька, в праздности время проводить. Я не понимаю такого отдыха, когда руки лежат на коленях. Они даны нам для работы, и, пока в них есть сила, им нужно трудиться, – говорила она, стуча спицами.

Настя всегда на своё дежурство приходила с парой клубочков пряжи.

– Нина Петровна, добрый день!

Старушка сидела на своём привычном месте у окна и вязала.

Она улыбнулась своей лучезарной улыбкой, и протянула навстречу девушке руки.

– Здравствуй, милая! Я по тебе успела соскучиться. Вот, смотри, какой шарфик я тебе связала, – сказала она, протягивая Насте мохеровый шарф.

– Боже, какой он мягкий и невесомый, – говорила Настя, накинув шарф на плечи.

Время после вечернего отбоя было самым приятным и долгожданным. Когда все расходились по своим комнатам и укладывались спать, Настя заваривала травяной чай и ждала в гости Нину Петровну.

– Настенька, как же я люблю наши с тобой посиделки, – говорила Нина Петровна.

– Я тоже, Нина Петровна, люблю это время. У меня никогда не было бабушки, да и мамы не было. В детском доме мы любили после отбоя полуночничать. Утащим в столовой пару кусков хлеба, солью их потрём, и сидим, представляя, как бутерброд с колбасой едим. И вот в такие вечера, я часто мечтала, что сижу на кухне с бабушкой, а она меня угощает пирожками с повидлом, – Настя смотрела в свою чашку, пряча наворачнувшиеся на глаза слёзы.

– А я сразу поняла, что мы с тобой родственные души. Я же тоже детдомовская. Мать погибла при эвакуации, прямо у меня на глазах в неё осколок от бомбы попал. Долго я потом в себя прийти не могла, ночами просыпалась и кричала, маму звала. Но ничего, привыкла. Мне очень повезло, что я попала к Тамаре Григорьевне. После войны она меня удочерила. Муж её на войне погиб, сыновья тоже сгинули, одна она осталась. Она одна, я одна, а вместе мы стали семьёй.

– Нина Петровна, а дети у вас есть? Извините, если вопрос бестактный, но меня давно он мучает. Столько времени вы здесь, и никто к вам не приходит.

– Всё хорошо, Настенька, не надо извиняться. Сын у меня есть... вернее, был. Раньше не могла о нём говорить, в себе эту боль держала. А теперь, спасибо батюшке Никодиму, я не плачу, ведь сыночек мой всегда со мной. Погиб он, Настенька, в страшной аварии погиб. Автобус, на котором он вместе с женой и дочерью ехал к морю, перевернулся, и упал в пропасть. Никого в живых не осталось. Все заживо сгорели. И у меня никого не осталось, ни сына, ни внуки. Но ничего, горе оно такое, сегодня болит, а завтра осталось только неприятное послевкусие.

Я, когда к батюшке Никодиму пришла, хотела в монастырь уйти. Упала к нему в ноги и говорю, не могу мол батюшка в миру, горько мне и обидно. А он посмотрел на меня, строго так посмотрел, да и говорит: «Горько тебе? Ты думаешь твоё горе самое горькое? Оглянись, посмотри на людей, у каждого свой ад, который он вынужден нести на этой земле. Подойди к любому и спроси, есть ли у него горе. И каждый тебе станет говорить, что его горе самое горькое и невыносимое. Иди домой, помолись Богу, проси Его руководства. И я за тебя буду молиться.»

А дома, когда я стояла на коленях перед иконами и не понимала, что мне делать дальше, то на ум пришли детки из детского дома. Они такие же брошенные и одинокие. И что может быть горше чувства, что ты один на этом свете и никому не нужен. Вот так я нашла своё дело, смысл своего дальнейшего существования. Мои вязаные носочки и шапочки принесли и приносят тепло не одной одинокой душе, – говорила Нина Петровна, улыбаясь своей лучезарной улыбкой.

Долго они ещё беседовали, выпив не один чайник ароматного чая. А ближе к рассвету Настя подошла к Нине Петровне, взяла её сухонькие ручки в свои и сказала:

– Бабушка Нина, можно я буду твоей внучкой?

Нина Петровна посмотрела на неё своими ласковыми глазами, в которых стояли слёзы, провела по Настинной щеке рукой:

– Конечно можно, внученька.

@ludmilochka_grig

ДОВЕРЬСЯ МНЕ

—
ЮЛИЯ ЛОГВИНОВА

Доверься мне

Я сидел на деревянной скамейке, пропитанной теплом восходящего солнца, и пил кофе из картонного стаканчика.

Раскидистые кроны деревьев бросали причудливые тени на песчаные дорожки парка. Мимо проходили редкие прохожие, птицы выводили трели. Осталось всего несколько минут до смены, и я хотел насладиться этим июньским утром.

Хотя кого я обманываю, я не могу ничем наслаждаться, пока моя жена больна. И пока она – мой пациент.

Я онколог, поэтому когда несколько месяцев назад у Ани начались головные боли и головокружения, я сразу заподозрил неладное. Провёл необходимые обследования и анализы, сделал МРТ, и... мои худшие опасения подтвердились.

Это маленькое пятнышко с неровными краями на снимке ошарашило меня, словно я увидел такое впервые. Я не мог поверить, что это произошло с моим самым родным человеком.

Я показал снимок нескольким нейрохирургам, они в один голос сказали, что опухоль неоперабельная. Слишком глубоко сидит. А это значит, всё что нам доступно – химиотерапия. Шансов мало, чёрт возьми, их ничтожно мало! Но надо пробовать.

Придя на работу, я первым делом отправился в палату к супруге. Вчера я привёз её в свой онкоцентр, сегодня она сдаст плановые анализы, и через пару дней начнём курс химии. Я решил, что сам буду вести её, ведь она моя жена и я должен держать всё под контролем.

Аня сидела в кресле у окна. Её глаза были полуприкрыты, голова откинута на спинку. Я подошёл, поцеловал её в бледные губы и взял за руку:

– Привет, любимая, – холодные пальцы жены слабо сжали мою ладонь. – Я принёс твои любимые пирожные.

– Спасибо, Боренька. Если бы я только могла их есть, – шёпотом ответила она и поморщилась. – Эта боль меня доконает.

– Мы прорвёмся, милая. – сказал я. – Скоро к тебе подойдёт медсестра, проводит на процедуры, а я вернусь как можно скорее.

Остаток дня и ночь я провёл, занимаясь плановыми пациентами, периодически заходя к Ане. Консультации, две сложные операции, снова консультации. Утром следующего дня я закончил дежурство, снова навестил любимую, но она заставила меня пойти домой, немного отдохнуть.

Я вышел из больницы и вновь пошёл через парк. В воздухе разливался упоительный аромат цветов, солнце заливало округу своим живительным теплом, день обещал быть жарким.

Вздыхнув полной грудью, я сел на лавку, на которой был вчера. Почему-то вспомнилось начало моей карьеры. Я тогда работал в деревенской больнице недалеко от Тулы и после смены ходил домой через лес. Вот где настоящая природа!

Пожалуй, в деревне работать было легче. Я был врачом общей практики, и ко мне частенько обращались с пустяками. Хотя бывали и сложные случаи. Помню, как откачивал мужчину с инфарктом, боялся, что не заведу сердце. Его сын смотрел на меня во все глаза, и я не имел права подвести. Получилось, спас. А мальчишка потом в медицинский поступил.

С тех пор прошло 15 лет. Я вернулся в родной Екатеринбург, прошёл специализацию на онколога. Сколько излеченных пациентов было за эти годы, сколько благодарных родственников! Каждая спасённая жизнь словно вливалась каплей в мою собственную. Я не представлял для себя другой работы.

Ожил мобильник, на экране высветилось: «Француз». Я улыбнулся – это Саня, мой лучший друг ещё со времён школы. Прозвище ему дали за то, что он плохо выговаривал букву «р». Со временем Сашка картавить перестал, а прозвище так и осталось.

– Да, Француз! Доброе утро!

– Привет, Борис Валентинович, как твои дела? Я только что прилетел из США. Давай встретимся?

Александр – нейрохирург. Мы не общались несколько месяцев: работа, затем его отъезд на повышение квалификации. И теперь, услышав его голос, я ощутил острую потребность поделиться своим несчастьем, получить поддержку.

– Да, я тоже хочу увидеться. Приезжай ко мне на работу, заодно... с Аней увидишься.

– Хорошо, – удивлённым голосом ответил друг. – Она там с тобой, что ли?

...

– Борь, моё мнение такое: можно попробовать сделать операцию, – сказал Саня, рассматривая Анины документы. – Да, опухоль в труднодоступном месте, риск очень велик, но если операция пройдёт успешно, то шансы Ани возрастут в разы.

– Нет, – ответил я. – Я же врач и прекрасно понимаю, что она может не пережить операцию!

– Послушай, доверься мне! – воскликнул друг. – В прошлом году я ассистировал на подобной операции профессору из Нью-Йорка, изучил методику. Это реальный шанс!

– Я не могу её потерять! А наши дети? Они не перенесут! – я замотал головой, но в этот миг мы услышали слабый голос Ани:

– Боренька, я согласна на операцию. Я не могу больше выносить эти боли, а от химиотерапии меня будет тошнить, я не смогу есть, буду ещё слабее, чем сейчас. И ты сам знаешь, шансы ничтожно малы.

– А если случится худшее? – я обнял жену и нежно прижал к себе, вдохнул её такой родной запах. – Я не смогу, не смогу.

Александр помолчал и снова заговорил:

– Поверь, я сделаю всё, что в моих силах. Вы мои лучшие друзья, я бы не предлагал операцию, если бы не верил в результат и в свои силы.

Я смотрел на них, внутри меня шла бешеная борьба. Я боялся, что Аня не перенесёт операцию и так же сильно боялся, что химиотерапия не поможет. Позволить себе отпустить контроль и довериться лучшему другу? Трудно, кажется нереальным. С другой стороны, он профи, на его счету множество успешных операций и спасённых жизней.

Сделав над собой усилие, я медленно кивнул:

– Я тебе верю. Давай попробуем.

....

Я вышел из операционной и без сил опустился на пол. Дрожащей рукой стянул с себя маску и невидящим взглядом уставился в потолок. Меня пытались не пустить, но я должен был присутствовать! Должен был быть рядом с женой.

Саша сел рядом со мной и положил руку на плечо:

– Я же говорил, что всё будет хорошо!

Напряжение последних часов начало меня отпускать, я осознал реальность его слов, уронил голову на руки и беззвучно зарыдал.

Да. Операция прошла успешно. Теперь всё будет хорошо!

Когда рождается мечта

Лето пахнет свежескошенной травой и солнцем. Росой и землёй, цветами и деревьями. Лето – это рыжие косички Маринки, задорно прыгающие по её спине, и лёгкое платье, развевающееся на ветру и струящееся по голым ногам.

Мы возвращаемся с речки, держась за руки, опьянённые первой любовью и абсолютно счастливые. Очередной учебный год остался позади, впереди целых три месяца свободы! Затем выпускной класс, и здравствуй, взрослая жизнь.

Деревня как всегда полна жизни: женщины работают на огородах, пастухи гонят коров с пастбища, мужики возвращаются с сенокоса, переговариваются уставшими голосами, курят.

Неожиданно выскочивший на дорогу гусь вытянул шею, раскинул крылья и зашипел, напугав Маринку. Она взвизгнула и спряталась за мою спину. Я, воспользовавшись моментом, обнял её за плечи, прижал к себе, и так, обнявшись, мы дошли до её двора.

Летний вечер располагал к романтике, хотелось ещё побыть вместе, но пора было прощаться. Идя домой, я думал о Маринке, о её улыбке, тонких пальчиках, так нежно державших мою ладонь...

Зайдя во двор, я чуть не столкнулся с матерью:

– Ох, как хорошо, что ты пришёл, а то я уж хотела к соседям бежать! – затараторила она, схватив меня за руки и испуганно глядя в глаза. – Вова, отцу плохо, кажется, сердце, таблетку дала, но не помогает. Беги за врачом!

Я ошарашенно заметался взглядом по двору и увидел папу: он сидел на крыльце, привалившись к стене, держался рукой за грудь и тяжело дышал.

– Ну же! – крикнула мама.

Я кивнул, схватил велик и помчался, крутя педали изо всех сил. Больница всего через две улицы от нашего дома, но я так гнал, что успел запыхаться. Бросив велик у крыльца, я вбежал внутрь и срывающимся голосом крикнул медсестре:

– Помогите, мой отец... сердце!

Та среагировала мгновенно: кинулась в кабинет, тут же оттуда выскочил молодой врач с чемоданчиком. Я не сразу вспомнил его имя, он недавно к нам приехал. Борис. Да, точно, Борис Валентинович.

– Садись в машину! – скомандовал он, выбегая на улицу.

Приехав, мы увидели папу, лежащего на земле. Мать тормошила его, била по щекам, что-то бессвязно выкрикивая. Рядом валялся пузырьёк нашатыря. Я замер, не зная, что делать, но в этот же миг доктор сунул мне в руку мобильник и крикнул:

– Вызывай скорую! – после чего кинулся к отцу и начал делать ему искусственное дыхание и массаж сердца. Я видел такое в фильмах, но в жизни всё выглядело так, будто он вот-вот проломит отцу грудь.

Трясущимися пальцами я набрал «112». В нашей больнице скорой нет, из райцентра поедет, успеют ли? Мама стояла рядом, закусив губу и заломив руки. Её лицо перекосило отчаяние, в глазах стояли слёзы. У меня в горле появился ком, я не мог отвести взгляд от врача. Его ритмично двигающиеся руки заворачивали, вызывали надежду.

Наконец Борис Валентинович крикнул:

– Есть пульс! – тут же открыл чемоданчик, набрал в шприц лекарство и ввёл его в вену отцу.

Папа открыл глаза, его лицо постепенно обрело нормальный оттенок.

– Что с ним? – хриплым голосом спросила мать.

– Инфаркт. Вовремя успели, – ответил Борис Валентинович. – Но состояние критическое, нужно везти его в районную больницу, там есть необходимое оборудование.

Через несколько минут подъехала скорая, и отца увезли. Мама бросилась собирать вещи, чтобы утром отвезти их папе в больницу, а я как замороженный стоял посреди двора и думал: как профессионально и чётко действовал доктор, какое это должно быть незабываемое чувство, когда ты спасаешь жизнь человека!

В этот миг я осознал, что у меня появилась мечта – стать врачом. Всё лето я изучал информацию о медицинских институтах, читал историю медицины, даже посмотрел доктора Хауса, благо в нашей деревне недавно открылся компьютерный клуб с интернетом.

Лето пролетело незаметно, а за ним – и последний учебный год. Я усердно готовился к выпускным экзаменам и всё не решался поговорить с родителями и Маринкой на тему своего отъезда в Москву. Но наступил момент, когда оттягивать стало невозможно.

Как я и предполагал, родители были категорически против. Они всегда мечтали, чтобы я стал «большим человеком», владельцем магазина, например, или палатки на рынке. Чтобы не горбатился, как они, за нищенскую зарплату.

– Сколько там твои врачи получают? – ворчал отец. – Москва эта не резиновая, вернёшься в деревню и будешь лапу сосать!

– Лучше поступай в колледж, изучай экономику, вон дяди Славы сын отучился, свой магазин открыл, так уже и дом новый отстроил, и машину купил! Всё у человека есть, – поддакивала мама.

С Маринкой вышло и того хуже. У нас всё было серьёзно, и я искренне верил, что моя учёба в Москве никак не повлияет на наши отношения. Но она, как оказалось, была другого мнения:

– Любовь на расстоянии – это чушь! – сквозь слёзы заявила она. – Ты забудешь меня уже через месяц, эти московские штучки затмят тебе глаза!

– Но Марин, ты же и сама хочешь поступать в институт.

– Да, но в Туле! Это полчаса езды на автобусе! Мы бы постоянно виделись, а если б ты поехал со мной в экономический, то даже жили бы в одной общежитии!

– Ты же знаешь, как я хочу стать врачом. Мариш, Москва – это не край света, я буду приезжать в выходные!

Она грустно посмотрела на меня, затем покачала головой и ушла. А я остался стоять на берегу реки на нашем с ней любимом месте.

Экзамены прошли, прозвенел последний звонок, и выпускной остался позади. Наступило очередное лето. Только в отличие от прошлого оно пахло разлукой и неизвестностью.

Я со щемящей душой приехал на вокзал. Родители провожать не захотели, Маринка и вовсе со мной не разговаривала с того самого дня.

Я сел на своё место у окна, поезд тронулся, я смотрел на пролетающие мимо поля и леса, на голубое небо, залитое солнечным светом и старался не думать. Мне предстояли вступительные экзамены в университет имени Сеченова, я должен был сосредоточиться на них.

На время экзаменов университет предоставил общежитие, я обложился книгами и готовился с утра до ночи. Мысли о родителях и любимой всё-таки не оставляли меня, я очень скучал, но также хотелось доказать им и себе, что я способен на что-то большее, нежели стать обычным бизнесменом. Я чувствовал своё призвание и твёрдо решил получить эту профессию.

Один за другим проходили экзамены, я получал хорошие баллы. И наконец, химия. Ещё в школе у меня с ней не особо ладилось, но я был уверен, что сдам этот экзамен, ведь я так усердно готовился!

Билет попался по самой моей нелюбимой теме, и я, протянув до последнего, с громко стучающим сердцем сел отвечать. Члены комиссии сразу поняли, что я «плаваю», начали задавать вопросы, я что-то им отвечал, но уже понимал, что завалил экзамен.

Я вышел из аудитории как пришибленный, в голове стоял гул, я не знал, куда себя девать. Через день были вывешены списки поступивших, и я, лелея надежду, подошёл посмотреть.

Но нет. Сердце словно пропустило удар, а в горле появился противный комок. Моей фамилии нет.

Что теперь? Прощай мечта? Вернуться побитым псом в деревню, идти работать к сыну дяди Славы, чтоб не сидеть на шее у родителей? Пробовать поступить через год?

Да, пробовать! Но... я не хотел возвращаться, ох как не хотел. Я брёл по улицам уже полюбившегося мне города. Тёплый летний вечер ласкал моё лицо, наглые голуби сновали под ногами, то и дело слышались радостные крики детей.

Мимо меня, воя сиренами, промчалась скорая, и меня словно осенило. Может, в больнице есть какая-то работа? Да хоть санитаром! Это лучше, чем позорное возвращение домой. Найду себе работу, сниму комнату, протяну до следующих экзаменов.

Я улыбнулся. Появилось ощущение, что я стал на шаг ближе к своей мечте, я обрёл уверенность, что справлюсь. Я свернул в парк и пошёл по выложенным плиткой дорожкам.

Лето пахло травой, цветами и чём-то ещё неизведанным, но таким манящим!

Моя идеальная семья

– Я хочу познакомить тебя с семьёй, – взволнованно сказал Александр, держа Лилю за руки и глядя в её чудесные светло-карие глаза.

Два месяца назад, в середине июня он навещал своих друзей – Анну и Бориса. Анна оправлялась после операции на мозге, и Александр приехал не просто как друг, но и как хирург, проводивший эту операцию. Там-то он и познакомился с Лилей, которая тоже приехала с визитом к подруге.

Весь вечер они не могли оторваться друг от друга: Лиля оказалась танцовщицей, вместе со своей труппой объездила много стран, и в её копилке было полно курьёзных случаев о выступлениях. Александр рассказывал о своей работе, и девушка с интересом его слушала. У них оказались похожие вкусы в музыке и литературе, оба обожали природу и животных.

Ничего удивительного, что на следующий день они встретились снова, затем ещё и ещё. Очень быстро мужчина понял, что безвозвратно пропал в омуте этих глаз. Лиля отвечала ему взаимностью, ей безумно нравился этот уверенный в себе человек, такой харизматичный и весёлый, к тому же врач, нейрохирург!

Девушку увлекали его рассказы о спасённых жизнях, Александр был в её глазах таким суперменом. Она же приносила в его жизнь лёгкость, стала для мужчины глотком свежего воздуха среди тяжёлых больничных будней.

И вот сегодня он решил познакомить любимую с родителями и сёстрами:

– Каждое последнее воскресенье месяца мы собираемся всей семьёй в доме мамы и папы, обедаем, общаемся, проводим весь день вместе. Этой традиции уже очень много лет, её завела ещё, кажется, моя прабабушка, а может, даже и её прабабушка, – Александр хохотнул и продолжил. – Я очень хочу, чтобы сегодня ты пошла со мной.

Лиля с радостью согласилась, она уже подумывала познакомить мужчину и со своими родными, так что его предложение пришлось весьма кстати.

По дороге девушка запаслась букетом цветов и тортом, хотя Александр и сказал, что мама наготовит своих фирменных пирогов и вкусняшек, но было как-то неловко приезжать с пустыми руками.

Дом находился километрах в пятнадцати от Екатеринбурга, так что доехали они быстро. Лиля восхищённо разглядывала окружающую дом красоту: кусты роз и пионов, маленькие оранжевые всполохи ноготков, ещё какие-то цветы, названий которых она не знала. Прекрасные альпийские горки, аккуратные песчаные дорожки, фруктовые деревья. Всё было высажено и устроено с большим вкусом.

Из дома вышли две высокие, темноволосые девушки и, приветливо улыбаясь, направились к паре. Девушка сразу поняла, что это сёстры любимого, Олеся и Полина. Александр расцеловал девушек и вошёл в дом. Сёстры тут же начали восхищаться платьем Лили и непридуманно болтать.

– Саша нам все уши про тебя прожужжал! – засмеялась Полина, увлекая девушку на веранду. – Мы очень рады наконец-то с тобой познакомиться!

– Да уж! – подхватила Олеся. – Наш братец обычно такой скрытный, слова о личном не вытянешь и ни с кем нас вот так официально не знакомил! Ой, а вот и мама идёт!

Из дома вышла женщина, статная и такая же высокая, как дочери. Она была одета в длинное элегантное платье, на шее поблескивал золотой кулон. Лиля испытала неловкость за своё простое летнее платье, но улыбнулась и пошла навстречу.

– Мама, знакомься, – сказал вышедший вслед за матерью Александр. – Моя Лиля. Дорогая, это моя мама, Лидия Петровна.

Затем подошёл к девушке и обнял её за талию. Женщина улыбнулась в ответ и проговорила мягким голосом:

– Очень приятно познакомиться. Прошу всех к столу! Отец пошёл в погреб за вином, сейчас присоединится к нам.

Они вошли в дом, и Лиля ахнула: большой стол был накрыт кружевной скатертью, на нём стояли хрустальные бокалы, изысканная фарфоровая посуда и серебряные приборы. Среди блюд с яствами стояли фигурки птиц и животных, а также маленькие вазочки с цветами.

Александр перехватил её восхищённый взгляд и сказал:

– Мама обожает готовить и наводить уют в доме. Этот стол, как, впрочем, и всё вокруг, её рук дело.

Девушка огляделась. Гостиная, где стоял стол, была большая и очень светлая. В ней даже был камин, над которым на маленькой полочке стояли семейные фотографии. Перед камином находился диван с маленькими вышитыми подушечками, разбросанными в художественном беспорядке. Темно-синие шторы на окне гармонировали по цвету с диванной обивкой, вся обстановка располагала к умиротворению.

Лиле всегда нравились подобные дома, и она по-доброму завидовала людям, умеющим вот так обставить интерьер. Сама она всё собиралась заняться своей квартиркой, но вечно не хватало времени, всегда находилось что-то более захватывающее.

Она была человеком настроения, лёгкой и непринуждённой, постоянно ездила на гастроли и, покупая какие-то безделушки для квартиры, каждый раз с удивлением обнаруживала, что они не подходят ни к цвету стен, ни к тем вещам, что были куплены ранее.

Но в силу легкого характера девушку это ни капельки не огорчало, наоборот, она любила и умела смеяться над собой и всегда шутила, что как сорока тащит всё красивое, а потом не знает, как это совместить.

– А вот и я, – неожиданный бас прервал размышления Лили.

Она обернулась и увидела вошедшего в комнату подтянутого мужчину с двумя бутылками в руках. Он был одет в тёмные брюки и тонкий пуловер поверх белой рубашки.

Александр тут же подвёл девушку и познакомил с отцом.

– Даниил Игнатьевич, – пробасил тот, поставил бутылки на стол и поцеловал руку Лили.

За обедом много шутили, разговаривали на самые разные темы, и девушка чувствовала себя как дома, настолько тепло к ней отнеслись.

Она увлечённо отвечала на вопросы сестёр и родителей, рассказывала о своих турне, труппе, планах на будущее, связанных с танцами. И в отличие от Александра, совсем не замечала, как периодически губы Лидии Петровны недовольно сжимались.

Когда женщина отлучилась на кухню, чтобы вскипятить чайник, сын прошёл за ней.

– Мам, она чудесная, правда? – начал он разговор. – Мы знакомы недавно, всего пару месяцев, но ощущение, что я знаю её всю жизнь. Мне с ней так легко и хорошо, кажется, я нашёл свою вторую половинку. Хочу на днях сделать ей предложение!

– Да, сынок, – немного помолчав, ответила мать, раскладывая на большом подносе пирожные. – Лилия замечательная девушка. Но... не для тебя. Послушай! – она жестом остановила, открывшего было рот Александра.

– Ты всегда говорил, что наша семья, это твой идеал. Что ты хотел бы жениться на той, которая также следила бы за уютом в доме, готовила бы, посвятила себя семье. Но разве Лилия это сделает? Она грезит своими танцами, и это отлично! У каждого должно быть занятие по сердцу. Но бросит ли она карьеру ради ваших детей? Захочет ли она их вообще? Она не любит готовить, не умеет выращивать цветы. Подумай сын. Она явно не та, на ком ты всегда мечтал жениться.

Остаток дня мужчина был задумчив, и в конце концов Лиля это заметила и начала немного нервничать. Вечером они, распрощавшись с семьёй, поехали обратно в город, решили немного прогуляться по парку. Девушка, не выдержав, спросила:

– Саша, что-то случилось? За обедом ты внезапно стал сам не свой.

Он немного помолчал, затем остановился, взял её ладони в руки, поцеловал их и сказал:

– У меня всегда был план на эту жизнь. Сколько себя помню, я всегда знал, чего хочу. Где и на кого учиться, где работать, какую семью завести.

Лилия не отрываясь смотрела на него, её медового оттенка волосы облачком развевались на тёплом ветерке. Сердце отстукивало неровный ритм.

– Я хотел семью, такую, как у моих родителей. Чтобы моя жена была хозяйственная и домашняя, чтобы любила заниматься бытом и свила уютное гнездо, в которое хотелось бы возвращаться после трудового дня.

Александр вздохнул и продолжил:

– И вот я познакомился с тобой. Ветреной и сумасбродной особой, артистичной и смешной, разбрасывающей вещи по квартире и не умеющей готовить. Честно говоря, ты совсем не вписываешься в мой план. Ты совсем не та, на которой я мечтал жениться.

Сердце Лили дрогнуло, на глаза навернулись слёзы. Она поняла в чём дело. Мама, властная женщина, не одобрила её кандидатуру. Вот почему любимый был таким отчуждённым и странным. Она хотела что-то сказать, но в этот миг мужчина её перебил:

– Но знаешь, когда я с тобой рядом, я готов послать все планы к чертям. Я без ума от тебя! Я не знаю, какая будет наша жизнь и что ждёт нас завтра, знаю лишь одно: я не хочу прожить эту жизнь без тебя и потратить её на поиски женщины, похожей на мою мать. Мне нужна ты!

С этими словами он опустился на одно колено и вновь заговорил:

– У меня нет кольца, у меня нет ни малейшего понятия, что ты мне ответишь, но я хочу спросить: ты выйдешь за меня?

Лилия, округлив глаза, смотрела на него. Она думала, что Александр хочет с ней расстаться, но он оказался не маменькиным сынком, она в нём не ошиблась! Это тот, кто ей нужен, кого она без сомнения любит, с кем хочет быть всегда рядом.

– Да, да, да! – крикнула девушка.

Александр вскочил и, заключив её в объятия, закружил в воздухе. Потом осторожно поставил на землю и нежно поцеловал. Несколько прохожих засвистели, захлопали и заулюлюкали. Мужчина оторвался от губ Лили и крикнул им:

– Она сказала «да»! – и счастливо засмеялся, зарывшись в её волосы.

Ох, уж эта любовь!

Марина сидела на берегу реки под раскидистой ивой. Летнее солнце бросало ослепительные блики на водную гладь. Время от времени на поверхности возникали круги и появлялись блестящие спинки рыб, пробегали водомерки, выпрыгивали из зарослей камыша лягушки.

Ива шуршала тонкими ветками, щекотно прикасаясь к шее и плечам, в траве прыгали кузнечики, птицы беззаботно щебетали, в воздухе вилась мошкара, играя в догонялки с бабочками.

Девушка всегда любила это место. Здесь было так красиво, такое умиротворение находило на неё, что можно было позабыть обо всех печалях. И не хотелось ничего, только сидеть вот так, наслаждаясь природой.

Вот и сегодня Марина пришла сюда за успокоением. Утром почтальон принёс письмо. Для неё. От Вовы. Который вовсе не прекрасным июльским днём уехал в Москву, поступать в медицинский, вопреки всем их планам на счастливое совместное будущее.

Предатель! Она вытерла слёзы и подставила лицо солнцу. Парень загорелся идеей стать врачом, когда его отца спасли от инфаркта. Марина уважала желание любимого, это благородная профессия, но всё-таки в её голове не укладывалось, как можно сохранить любовь на расстоянии?

Неужели Вовка не мог придумать другой способ? И понимала, что не мог. Нет в Туле, где собиралась учиться она сама, мединститута. Но душа болела и отказывалась принимать правду жизни.

Они не разговаривали с того самого дня, как Владимир сообщил о своём решении уехать. Девушка избегала свиданий, не отвечала на звонки. Хотела забыть, вырвать эту любовь из своего сердечка. Злилась, плакала, снова злилась.

И вот в конце августа пришло письмо. Она хотела выбросить его, но не решилась. Пришла на речку, на их место. И всё медлила, не могла заставить себя вскрыть конверт. Наконец, тряхнув головой, отчего рыжие волосы взметнулись снопом пламенных искр, надорвала конверт и вытащила письмо.

«Привет, Маришка, любимая моя девочка!

Ты не отвечаешь на звонки, не хочешь меня больше знать. Но я попытаюсь ещё раз объяснить тебе, попросить подумать и не рвать наши отношения.

Я верю, что настоящая любовь может преодолеть расстояние. Мы можем видеться по выходным, я буду приезжать к тебе! И ты тоже можешь приезжать ко мне – я снял комнату.

Время пролетит быстро, учёба останется позади, наверняка ты захочешь большего, чем работать в деревне. Возможно, Москва тебе приглянется. Я был бы этому очень рад, ведь я по-прежнему хочу связать жизнь с тобой.

Ты знаешь, Марин, в институт я не поступил, срезался на чёртовой химии! Но решил не возвращаться побитым псом домой. Я нашёл работу в больнице – санитаром. Здесь я приобретаю опыт по уходу за больными, узнаю все тонкости работы. А через год снова буду поступать.

Милая, я очень надеюсь, что ты поймёшь меня, простишь и дашь шанс нашим отношениям! Мне очень горько без тебя.

Подумай. Люблю. Твой Вовка»

Марина сложила закапанное слезами письмо и убрала в карман платья. Конечно, она не разлюбила. Конечно, хочет быть с ним. Они знакомы с первого класса, а встречаться начали в десятом. Это была чистая первая любовь, полная романтики. Вовка не просто её парень, он – её лучший друг!

Но душа девушки была в смятении. С одной стороны, она уважала Владимира всё больше за его силу духа и решительность. Один в чужом городе, не поступил в институт, но не сдался!

Нашёл работу и жильё, у него есть планы на будущее, он чётко знает, какой жизни хочет, и добивается этого всеми силами.

С другой стороны, у Марины тоже были планы, и он их разрушил! Правда её планы сводились к тому, чтобы закончить институт в Туле, найти работу и выйти замуж за Вовку.

Теперь же она понимала, что Вовкин план явно лучше – в столице больше возможностей, больше шансов на хорошую и безбедную жизнь. Конечно, Москва многим обломала зубы, но, пожалуй, у Вовы точно всё получится. Он вселяет эту уверенность каждым своим словом.

Марина встала с земли и пошла босыми ногами по кромке берега, лёгкие волны накатывали на ступни, щекотали пятки. Она провела руками по волосам, пропуская крупные пряди сквозь пальцы.

«Надо написать ему ответ. Нет, я просто поеду к нему, обниму и скажу, что он прав, у нас всё получится!» – подумала девушка.

Внезапно она остановилась как вкопанная. «А если... а что, если я тоже поступлю в московский институт?» – эта мысль возникла, как озарение. Марина вновь села на землю и уставилась на водную гладь.

Она уже сдала вступительные на факультет дизайна в экономическом институте Тулы, но можно же перевестись! «Тогда мы будем видеться каждый день, – размышляла девушка, – можно даже жить вместе, ведь он снял комнату!»

Воодушевлённая, она побежала домой и тут же, в свойственной ей манере, торопясь и глотая слова, рассказала о своём решении родителям.

– Марина! – всплеснула полными руками мама. – О чём ты, девочка моя! Вова хороший мальчик, но ехать к нему жить!

– Вы не женаты, о чём вообще речь! – поддакнул отец и положил перед девушкой свой смартфон. – Кроме того, посмотри сколько стоит обучение в московских институтах дизайна. Это больше, чем мы с мамой можем себе позволить!

Марина застыла. В горле появился ком, на глаза навернулись слёзы. Как всегда, она не предусмотрела очевидное. В Туле девушка поступила на бюджет, в Москве же факультеты платные.

Что же делать? Остаться, видеться с любимым по выходным? От одной мысли об этом щемило в груди. Поехать в Москву и поступить в другой институт на бесплатное? Но она мечтает стать дизайнером интерьера, помогать людям обставлять жилище, создавать уют в домах! Она чувствует, что это её призвание. Ох, уж эти муки выбора!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.